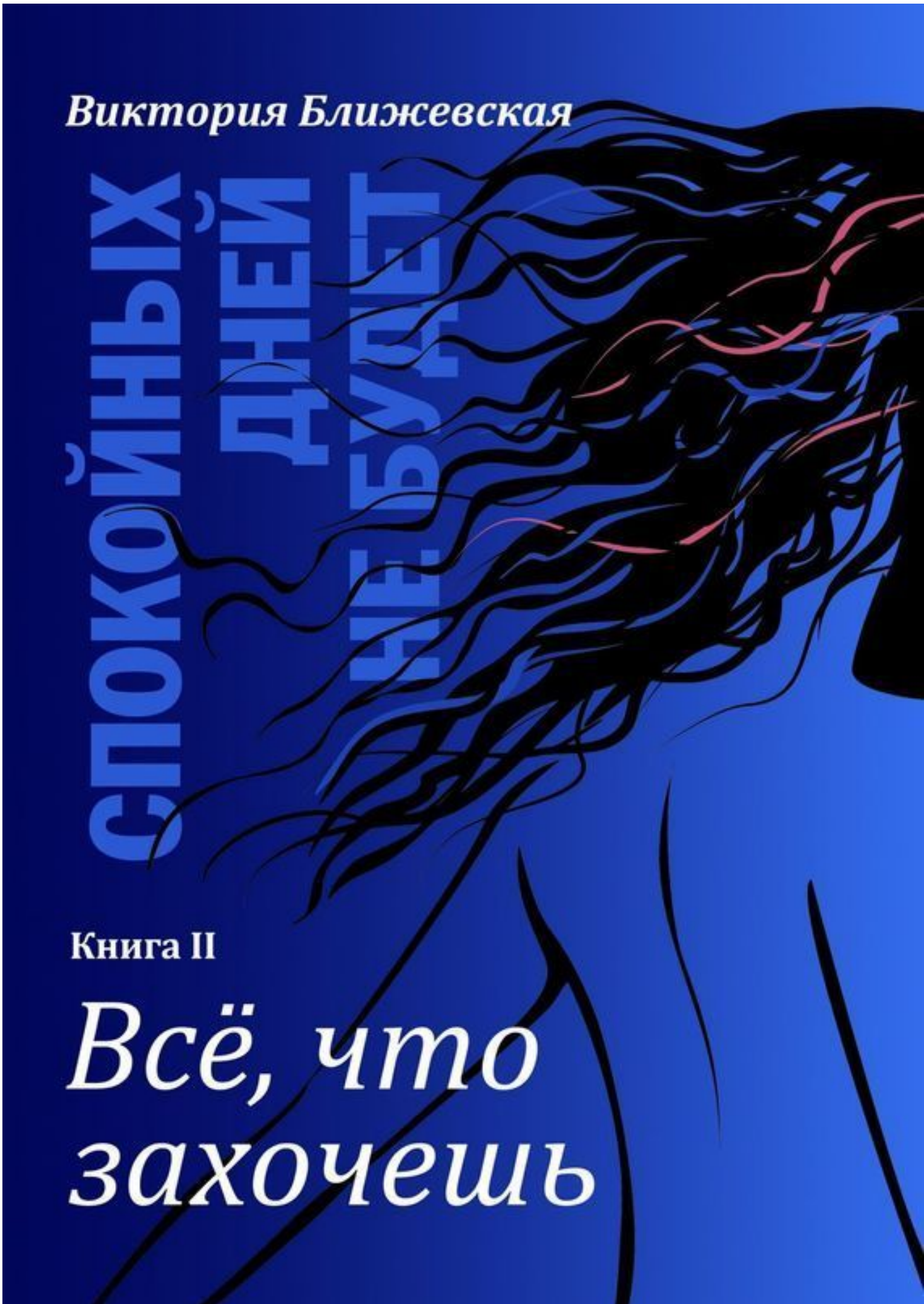


Виктория Ближевская

СПОКОЙНЫХ ДНЕЙ НЕ БУДЕТ

Книга II

*Всё, что
захочешь*



Виктория Ближевская

**Спокойных дней не будет.
Книга II. Все, что захочешь**

«Издательские решения»

Ближевская В.

Спокойных дней не будет. Книга II. Все, что захочешь /
В. Ближевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837879-9

Повзрослевшая Соня пытается расширить границы своего мира. Теперь у нее есть дочь, работа, новые друзья и враги. И любовь, которую Соня и Илья сдерживали годами, вырывается на свободу. Но для счастья обоим недостаточно тайных свиданий. Илья, готовый положить мир к ее ногам, видит, как она ускользает из-под его власти, и, изводясь ревностью, дает опасное обещание, выполнить которое почти невозможно. А их взаимное чувство, как затерянный в океане остров, подвергнется штормам и нелегким испытаниям.

ISBN 978-5-44-837879-9

© Ближевская В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Жизнь как у всех	11
Глава 2. Семейный обед	31
Глава 3. Первая ночь	46
Глава 4. Игры не по правилам	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Спокойных дней не будет Книга II. Все, что захочешь

Виктория Ближевская

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Виктория Ближевская, 2017

© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7879-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Роль строгого привратника в сезоны собеседований наполняла Кирилла Рыжикова ощущением особой значимости своей персоны. Приливы и отливы персонала в одной из ведущих консалтинговых компаний страны случались два раза в год, как хронические обострения у больного. Сколько-нибудь значительных комплексов у Кирилла не наблюдалось, и большую часть года коллеги видели его бодрым, словно пионерская дружина при объявлении победителей в игре «Зарница». Он всегда был в тонусе, ел за троих, если эти трое умудрялись заболтаться за обедом и забыть о его прожорливости, ухлестывал за всякой нарисовавшейся в офисе новой юбкой и стрелял деньги до зарплаты у коллег обоего пола. Прагматичный талант «жизнь по средствам» он относил к числу раздражающих, но простительных недостатков, о чем, правда, благоразумно помалкивал в присутствии кредиторов. Может, поэтому в долг ему давали легко. И еще потому, что в зарплату он аккуратно раздавал все до копейки, а через неделю снова протягивал руку за подаванием с таким неподдельным чувством собственного достоинства, что дал бы фору всем представителям династии Романовых в парижской эмиграции. Отказать ему считалось моветоном, как закусывать советское шампанское устрицами Марен Олерон. Проще было сразу прикрепить на лацкан бейджик «мизантроп и скряга».

Единственное, что омрачало его высокий лоб под вихрастой челкой, была нелюбовь к родовой фамилии. История умалчивает о причинах этого легкого невроза. Отдельные злобные и прижимистые коллеги, чуявшие прискорбную слабость своего собрата, как детеныши акулы в утробе матери, хищно поглядывали в его сторону и не упускали случая пошутить над соответствием фамилии и внешности. Шутки и анекдоты с упоминанием наглой рыжей морды заставляли Кирилла под благопристойным предлогом покидать веселящуюся компанию и демонстративно углубляться в работу. Действительно, неизменно рыжая щетина, подобно сорной траве, умудрялась пробиться мелкими кустиками на его жизнерадостном лице уже к концу рабочего дня. Но приземленные клички, вроде «Барбароссы» или «Чубайса», отваливались от него, как грязь с воощенных сапог. Если уж на то пошло, он был по призванию истинным рыжим клоуном или просто «Клоуном», и оправдывал это определение на все сто. Втайне он рассчитывал однажды встретить большую любовь и поменять фамилию на какую-нибудь звучную и внушающую уважение, вроде Оболенский, Жемчужников или, на худой конец, Штейнберг. Однако с юности девицы ему попадались сплошь и рядом неподходящие. То Елкина, то Байда, а то и вовсе Трахтенберг. И эта несправедливость год за годом заставляла его любвеобильное сердце биться в вечном жениховском азарте.

В один из таких благословенных сезонов, случившихся после выхода страны из новогоднего запоя, Кирилл Рыжиков пропустил очередную посетительницу в переговорную и с неподкупным видом святого Петра, но без его благородной седой бороды, позвенел ключами от машины, привлекая внимание директора по персоналу. Машину предстояло завести по случаю ударившего мороза, чтобы вечером без приключений уехать домой, и Кирилл торопился сделать два дела сразу.

– Александр Васильевич, еще один кандидат.

Молодая женщина секунду задержалась на пороге и прошла к стулу, не дожидаясь приглашения. Листок с напечатанным текстом заскользил в направлении собеседника. Соискательница сплела пальцы и принялась сдержанно осматриваться, давая потенциальному работодателю время на чтение. Александр Васильевич пробежал глазами по строчкам и, удивившись лапидарности текста, отложил бумагу в сторону.

– Здесь сказано, что у вас нет опыта работы.

– Никакого. – Она посмотрела ему прямо в глаза и слегка улыбнулась. – Однако я хочу работать.

– Похвальное желание, – кисло согласился Александр Васильевич. – Но одного желания не достаточно. У нас большой коллектив, работы невпроворот, и без опыта... А чем вы занимались до сегодняшнего дня?

– Я почти во всем теоретик, – без смущения сообщила она, заставив его слегка податься вперед. – Я неплохо знаю компьютер, но у меня не было возможности доказать это кому-то на практике. Я прошла курс психологии, и мне интересны люди, но в настоящее время круг моего общения достаточно узок. Я давно за рулем, знаю пять европейских языков, разбираюсь в литературе и искусстве, насколько позволяет образование. Но вы, конечно, скажете, что всего этого мало.

– Пожалуй. – Он едва сдержал усмешку. – Может, вам рассмотреть вакансию референта-переводчика, если вы владеете языками?

– У вас в компании? – оживилась она.

– Боюсь, наш штат переводчиков уже укомплектован.

Директор по персоналу достал пачку сигарет и проследил за тем, как женщина потянула на себя листок со своей бесполезной биографией и пожала плечами.

– Значит, я вам ни по каким статьям не подхожу.

– Я этого не сказал.

Странно, что не сказал. Он знал, что она несколько не подходит и незачем терять время, но от вердикта удерживался.

– Не курите, пожалуйста. – Она помахала рукой перед лицом, отгоняя первое сизое облако. – Здесь очень душно, мы задохнемся.

– Простите?

Рука с зажигалкой остановилась на полпути, и мужчина посмотрел на Соню поверх танцующего язычка пламени.

– Я лояльна к табачному дыму, но в закрытом помещении он невыносим. А здесь и так нечем дышать.

Она обвела глазами небольшую комнату без окон, в одном углу которой стоял большой проектор, а в другом – искусственная пальма, и Александр Васильевич, давно испытывающий острую потребность закурить, отложил зажигалку и с досадой втолкнул сигарету в полупустую пачку.

– Простите.

– Я пойду. Извините, что отняла у вас время.

– А что вы делали в период между защитой дипломной работы и сегодняшним днем? Шесть лет, если не ошибаюсь.

– Да, шесть, – задумчиво повторила она и вернулась на стул. – Ничего не делала. Вышла замуж. Родила дочь.

Соня улыбнулась пространности своего ответа и положила ногу на ногу, невольно отвлекая его внимание от своей биографии.

– И совсем не работали? – уточнил он.

Его раздражали эти переговорные, больше похожие на комнаты для допросов. Даже если ты никогда не страдал клаустрофобией, здесь можно было заработать ее в два счета. Но в собственном кабинете под прицелом семи пар глаз он слишком часто отвлекался от сидящего напротив собеседника то на компьютер, оповестивший хозяина о приходе новой почты, то на телефонный звонок, то просто на случайное движение за стеклянной стеной.

– Моя семья считает, что быть хорошей женой – это самая ответственная работа.

Теперь пришел его черед улыбнуться.

– Ну, с ней-то вы, наверняка, справлялись лучше всех.

– Не настолько хорошо, как хотелось бы.

Она, к его удивлению, никак не отреагировала на легкий флирт. Впрочем, ее семейные проблемы не вызвали у него особого интереса.

– Сколько лет вашему ребенку?

– Дочке чуть больше года.

– Она еще слишком мала, чтобы оставлять ее на весь день в яслях, – заметил он, поставив отметку в своих записях. – Малыши часто болеют, делая из родителей плохих работников, занятых мыслями о семье.

– У нас есть няня.

– И муж не возражает, чтобы вы вышли на работу?

– Не возражает, иначе меня бы здесь не было.

– Резонно, – пробормотал он. – Но почему после шести лет сидения дома вы собрались на работу?

– Мне стало скучно, – предсказуемо ответила Соня. – Я хочу куда-то приложить свои силы.

– Вам стало скучно? – скептически протянул он, подумав о мающихся от безделья дамочках, тогда как его жена каждый вечер ныла, что у нее ни на что не хватает времени.

– Да, но это не значит, что я ищу развлечения на работе.

– Значит, дело в деньгах? – без энтузиазма допытывался Александр Васильевич, не понимая, зачем продолжает этот разговор. – Без опыта работы трудно рассчитывать...

Дамочка явно занервничала, и он не без удовольствия решил, что все-таки заставил ее потерять уверенность в себе. Сейчас она скажет, что деньги не важны. В то, что деньги могут быть кому-то не нужны, он не верил. Существовало множество трюков, которыми пользовались соискатели, чтобы убедить будущее начальство в своем бескорыстии. И чем больше они старались, тем меньше ему хотелось предлагать им подписать контракт.

– Боюсь, вас удивит мой ответ.

– Ничего, смелее, – снисходительно усмехнулся директор по персоналу и развалился на стуле. – Начните с того, сколько бы вы хотели получать?

– Мне все равно, – вздохнула она.

– У вас серьезные финансовые трудности?

Ему все еще казалось, что он нашел слабое место в ее безупречной легенде и теперь пытался вытащить из соискательницы правду. Конечно, без опыта, с маленьким ребенком на руках она будет отчаянно цепляться за любую работу. Правда, няня в его концепцию не вписывалась, но он решил, что о няне она могла и приврать.

– Я бы согласилась работать и без денег. – Соня гипнотизировала пачку сигарет, которую он лениво двигал по столу. – Но я знаю, что так говорить не принято. Мне известно, что работодатели не любят тех, кто материально не мотивирован. И если слишком сильна финансовая заинтересованность, это тоже проигрышная позиция. Однако я не хочу скрывать от вас, что моя семья меня полностью обеспечивает. Больше того, никто из моих родственников пока не знает, что я ищу работу.

На этот раз он удивился. Каких-то пять минут назад она сказала, что муж в курсе событий, а теперь отказывается от собственных слов. Это была непонятная игра, которую он никак не мог разгадать.

– Вы же сказали, что посоветовались с мужем.

– Я солгала, – призналась она без малейших угрызений совести. – Однажды я сказала ему, что хочу выйти на работу, но нынешнее решение приняла сама. Мне необходима эта работа. Я не в силах больше сидеть дома. И если вы можете мне помочь, я постараюсь оправдать ваше доверие.

– Даже не знаю...

Он не мог ухватить суть происходящего и чувствовал себя не в своей тарелке.

– Может, есть какая-то другая должность? Секретарь, помощник. Я готова подождать.

Соня, не научившаяся просить посторонних о помощи, неумело взывала к его человечности. А он водил глазами по строчкам ее резюме и напряженно размышлял.

Проще всего было отказать ей под предлогом отсутствия необходимого опыта. Или взять человека, которого можно научить всему и который будет благодарен ему по гроб жизни за успешно начатую в престижной компании карьеру. Он почти почувствовал себя гуру, вознесшимся в ореоле своей мудрости над любимыми учениками. Теперь ему уже было недостаточно для поклонения одного Кирилла, за два года выращенного из неопытного мальчика до вполне самостоятельной профессиональной единицы, умеющей постоять за себя и поддерживать начальника в трудную минуту. Значит, на этот раз для разнообразия он возьмет девочку.

– Давайте попробуем. На испытательный срок ваш оклад составит триста долларов, не считая бесплатных обедов. По окончании трех месяцев вы получите пятьсот долларов, официальный рублевый оклад и медицинскую страховку. Когда вы сможете приступить к работе? – Он заглянул в ее резюме. – Софья Ильинична.

– Если я скажу, что прямо сейчас?

– Тогда завтра, если вам не терпится, – подвел итог Александр Васильевич. – Скажите мне номер вашей машины, и я посмотрю, есть ли места на стоянке.

Она замялась, и он решил, что опять ошибся с выводами.

– Вы ездите общественным транспортом?

– Нет, на машине. Вернее, на разных машинах. Наверное, будет проще, если я не стану пользоваться стоянкой.

– За воротами есть парковка, но там часто все занято.

– Это плохо, – равнодушно согласилась Соня.

– На чем вы приехали сегодня? На эту машину я могу выписать пропуск.

– На мерседесе, – помедлив, словно оценивала, стоит ли рассказывать скабресный анекдот, ответила она. – Регистрационный номер... Давайте, я напишу.

Он посмотрел, как она выводит три семерки, вспомнил о проблемах с машиной и решил тему мерседеса не развивать.

– Встретимся завтра в десять в моем кабинете.

– Спасибо, что пошли мне навстречу.

Он кивнул, сделав вид, что углубился в документы, и Соня вышла из душевой комнаты в коридор, где прямо напротив переговорной ожидали своей очереди просители, а по ковровой дорожке между лестницей и приоткрытым окном прогуливался сквозняк.

Александр Васильевич сложил пополам ненужный больше листок с ее резюме и несколько раз обмахнулся им, как веером. Кирилл заскочил в переговорную и на всякий случай оглянулся на закрывшуюся дверь.

– Как тебе дамочка?

– У нее нет ни одного рабочего дня за плечами, но держится так, будто сменила десяток престижных должностей.

– Отказал бы. – Кирилл задорно подмигнул. – Или ты?..

– Завтра она выходит.

Кирилл присвистнул от изумления и принялся качаться на стуле, понимающе улыбаясь.

– Поверить не могу! Ты и благотворительность! Что же в ней тебя подкупило?

– Искусствоведческий диплом, няня и мерседес. Она на самом деле хочет работать. Со времен дефолта народ зажрался. Все мечтают побольше урвать и поменьше отдать.

– Ладно тебе, – усмехнулся Кирилл. – Все не без греха. Кому однокомнатная квартира в Бирюлево – рай земной, а кому трехэтажный домик в Санта-Барбаре маловат. А ты что сегодня такой желчный?

– Курить хочу до черта! Едва я закурил, как она мне заявила, чтобы я в ее присутствии и думать забыл.

– И ты стал думать о другом?!

Многозначительный тон Кирилла намекал, что где-то он, возможно, просчитался. «Неужели старею?» – с легким сожалением спросил себя директор по персоналу, а вслух сказал:

– О «другом» у нас думаешь ты, причем, и за меня, и за того парня. Много там еще в очереди?

– Пятеро и еще трое подтянутся, но их я могу собеседовать и сам. Один техник и два сейлза.

– А пятеро все директора?

Усталость навалилась на него прямо в середине рабочей недели, скрутила по рукам и ногам. Александр Васильевич с вождением подумал о последних днях прошлого года отпуска, которые неплохо было бы отгулять прямо сейчас, не откладывая до лета.

Он плохо переносил долгую московскую зиму, а последний ее календарный месяц вообще терпеть не мог. Виной тому был обжигающий сыростью и холодом ветер, продолжающие расти на пороге марта сугробы и полное отсутствие каких-либо семейных и народных праздников, кроме Дня защитника отечества. Уклонившись от отдания воинского долга Родине, к защитникам он себя не причислял. В феврале он испытывал острое желание посидеть с друзьями за бутылочкой чего-нибудь умеренно крепкого и потешить воображение весенними перспективами, пока возраст еще позволял внедрить кое-что из этих перспектив в жизнь.

– Там два зама для директоров, руководитель новой группы разработчиков и два ведущих эксперта, – с сочувствием к нелегкому труду начальника перечислил Кирилл. – Уж извини, генерал требует, чтобы всех ведущих ты пропускал через себя.

– Да помню я, чего он требует. Ладно, давай начнем с экспертов, с ними меньше возни.

– Это точно, они человечнее, чем начальство. Исключая тебя, конечно. Да, учти, один из замов для финансового директора – женщина. Подъехала к самым воротам на новенькой тойоте. Такие мне пока не по зубам! Может, начнешь с нее?

– Нет уж, пусть подождет своего часа. Впустишь ее после руководителя группы. И больше женщин на дорогих тачках ко мне сегодня не приводи, а то у меня разовьется язва на почве комплекса неполноценности. Кстати, поеду в воскресенье в автосалон. Они клялись и божились, что к концу недели будет поставка.

Кирилл, к месту и не к месту вставляющий слово «круто», одобрил решительные намерения начальника и по поводу собеседования, и по поводу покупки машины и отправился за дверь раздавать соискателям талоны в очередь на встречу с Александром Васильевичем. В коридоре слышались незнакомые голоса, потом они стихли, и дверная ручка опустилась на сорок пять градусов. Директор по персоналу вздохнул, затушил в пепельнице выкуренную до фильтра сигарету и, расправив плечи, выбрал из внушительного списка свою самую доброжелательную улыбку.

Глава 1. Жизнь как у всех

Соня вошла в кабинет в ожидании, что сейчас все головы повернутся к ней, и она станет объектом обсуждения для любопытствующих. Но за столами с невысокими перегородками царила утренняя суета.

– Здравствуйте, – приветствовал ее Кирилл и взглянул на часы на стене.

Соня тоже сверилась с часами и осталась довольна своей пунктуальностью, не пострадавшей, несмотря на пробки и последние наставления няне, сделанные пять минут назад по телефону перед офисным зданием.

– Александр Васильевич сейчас подойдет. Присядьте.

Она заняла краешек стула и поставила сумку на колени, как просительница в кабинете чиновника.

Через несколько минут директор по персоналу сухо кивнул на приветствия сотрудников и прошел в кабинет, отгороженный от подчиненных стеклянной перегородкой под потолок и напоминавший большой аквариум: с какой стороны стекла ни окажись, наблюдаешь беззвучную жизнь по другую его сторону. Для начальника, запертого в прозрачном кубе, рыбами были подчиненные, которые копошились возле рабочих мест, хаотически перемещались по комнате, пили утренний кофе из разноцветных кружек и шевелили губами, отвечая на реплики коллег.

Александр Васильевич снял пальто, открыл ноутбук и, расположившись лицом к коллективу, сразу же взялся за телефон. Кирилл без стука ворвался в еще сонный мир шефа, куда вслед за ним хлынули многочисленные голоса, смех, шелканье клавиатур и первый за утро звонок. Хозяин кабинета поднял голову с прижатой к уху трубкой и без выражения посмотрел на вошедшего.

– Привет. Началось?

Это была коронная утренняя фраза. Условный код, который означал, что настала пора впрягаться в ежедневную лямку. И неважно, что тебя тянет досмотреть прерванный будильником сон, поделиться результатами вчерашнего футбольного матча или еще раз недобрым словом вспомнить непреклонного инспектора, выписавшего штраф за превышение скорости, и всех его родственников до седьмого колена. Поистине, хуже утра рабочего дня было только утро на работе после большого праздника.

– Увы! – с неуместным весельем подтвердил Кирилл, опершись о край стола, и указал подбородком в сторону Сони. – Твой новый боец прибыл к месту несения службы. Сам будешь с ней нянчиться или меня заставишь?

– Сам буду. Хотя, я смотрю, ты совсем не прочь.

– Я всегда не прочь! Да и весна скоро.

– Серьезно?

Александр Васильевич с недоверием оглянулся на плотно закрытые жалюзи, потом взглянул на свое пальто на вешалке, покрытое капельками воды, вспомнил пронизывающий ветер и гадкую снежную крошку, которая всю дорогу льстивой шавкой крутилась между колес, и усомнился в светлых перспективах.

– Скоро, скоро, – подтвердил Кирилл и заблестел глазами, как загулявший дворовый кот. – И она, кстати, красotka. Только от волнения забывает улыбаться.

– Ладно, зови. Поработаю наставником молодежи.

Начальник потянулся, поправил галстук и отодвинул кружку.

– Кофе принести? А то смотри, если тебе некогда, то я ей сам займусь.

– Ты еще успеешь внести свою лепту в процесс обучения.

Кирилл отсалютовал шефу и предложил Соне оставить документы для оформления, пока она будет принимать дела.

– Заходите в кабинет, он вас ждет.

Она поднялась, оправила юбку и остановилась на пороге.

– Здравствуйте. Можно?

– Доброе утро. Итак, сначала позвольте мне поздравить вас с важным событием. Сегодня вы влились в нашу большую дружную семью.

Александр Васильевич произносил эту речь для каждого нового работника. Он знал ее наизусть и мог повторить когда и где угодно: и после хорошей попойки, и разбуженный посреди ночи, и даже в отпуске. Каждая фраза была отшлифована почти пятью годами на ответственной должности. Собранные воедино, они складывались в краткий рассказ об истории компании, ее структуре и руководстве, количестве и профессиональном уровне сотрудников, целях и задачах, ответственности перед коллективом, преимуществах и подстерегающих трудностях, а также из посулов и приподнимания завесы над грядущими перспективами. Иногда он в качестве развлечения и тренировки памяти и ума позволял себе переставлять местами отдельные тезисы, делать акценты в неожиданных местах. Но ее основное содержание и пафос всегда оставались неизменными.

Соня слушала, сложив руки на коленях и без улыбки глядя на его шевелящиеся губы. Уже в середине собственного монолога он был удивлен и заинтригован. Чаще всего к концу речи, когда он заводил разговор о карьерном росте и обещаниях многократно улучшить жизнь работника в ответ на его беззаветный труд, люди начинали улыбаться, кивать и выражать удовлетворение всеми доступными способами. Эта женщина выслушала все до последнего слова с вежливым выражением и при этом не издала ни звука.

– У вас есть вопросы?

Директор по персоналу, продолжая идти проторенной дорожкой, не видел необходимости менять вступительную часть. Он всегда давал людям возможность задать ограниченное число вопросов, самостоятельно решая, на какие из них отвечать.

– Нет. Но я уверена, что они возникнут по ходу моего знакомства с должностными обязанностями.

Он снова удивился, но высокое звание научило его «держаться». В первом вступительном слове он всегда оставлял неявные прорехи в информации: вопросы отпуска, например, экзаменационной сессии или больничного. Но она не попала на эту удочку.

– Уверен, что возникнут. Формально вы подчиняетесь напрямую генеральному директору, фактически на данном этапе вашей карьеры – мне, а в идеале должны решать все практические вопросы самостоятельно. Вашей должности до прошлого месяца вообще не было в штатном расписании. Ее появление – результат долгой и продолжительной борьбы со сложившейся системой. До вас вопросами обеспечения работы офиса ведал мой сотрудник, у которого и без того обязанностей хватает. Заставлять менеджеров по персоналу заниматься закупкой скрепок или заявками на подключение к телефонной линии было бы слишком нерационально теперь, когда текучка растет, а штат увеличился почти на четверть.

– Значит, в моем ведении будут канцтовары и телефоны. Что еще?

– Еще? – Она вынуждала его сократить продуманное введение в должность до голого перечисления конкретных задач, и он, поморщившись, принялся по-американски отгибать пальцы, ожидая увидеть испуг на ее лице. – Заявки на подключение к телефонной и локальной сети, закупка мебели, офисного оборудования и канцтоваров. Организация корпоративных праздников и мероприятий. Вам придется помнить в лицо и по фамилии каждого, кто у нас работает. А они будут писать вам жалобы, просьбы и требования каждый день, даже в выходные и праздники.

– Понимаю. Человеческий фактор.

Соня впервые за сегодняшнее утро позволила себе улыбнуться, вспомнив, как непросто бывает управляться с домработницей и няней, когда они накапливают претензии, а потом

выливают их на хозяйку, как ушат холодной воды. И всегда в тот момент, когда она меньше всего рассчитывает на неприятности с этой стороны.

– Вот именно. Со всеми личными претензиями или конфликтами, которые неизбежно будут возникать, направляйте их ко мне, ну, если, конечно, сами не можете справиться.

– Я постараюсь.

– Похвальное рвение, но не надо брать на себя все, иначе можно не рассчитать силы и сорваться, – снисходительно заметил он. – Мне нужен стабильный работник, а не пациент института нервных болезней.

– Учту ваши рекомендации, доктор, – с улыбкой кивнула она.

Он невольно залюбовался ее осветившимся лицом, но она без труда вернула его к обсуждению рабочих моментов.

– Может быть, вы расскажете мне немного подробнее о документообороте?

– И расскажу, и покажу. Идите ближе.

Он подвинулся, давая ей место рядом. На дисплее ноутбука замелькали окошки, и Александр Васильевич углубился в тонкости документооборота и назначение серверов, в рассказы о планировании встреч и текущих дел, о поступлении заявок и процедуре их рассмотрения. Соня с блокнотом в руках быстро записывала, иногда наклоняя голову к его плечу, чтобы свериться с картинкой. Он покосился в исписанную страницу и не поверил своим глазам. Бумага была испещрена значками и закорючками.

Забыв о вежливости и принципе неприкосновенности чужих записей, он отогнул край ее блокнота, чтобы убедиться, что зрение не подводит. Закорючки под другим углом не превратились в привычную глазу кириллицу.

– Стенография?

– Так и есть. Школьницей я нашла на столе у брата странные записи и загорелась желанием выучить этот язык. Тогда это казалось игрой, как расшифровка секретного кода или загадка тайны пляшущих человечков. На проверку игра оказалась скучными взрослыми заметками его секретарши, но впоследствии на лекциях скоропись мне помогала.

– А другим усложнила жизнь, не давая возможности переписывать ваши конспекты, – вспомнил молодость Александр Васильевич. – Значит, я нашел вам еще одно применение. Если вы возьметесь записывать на наших недельных совещаниях, а потом сможете вместе с моей помощницей составить протокол... – Соня кивнула и черкнула какую-то птичку в блокнот. – Уже через час вы оказались весьма ценным приобретением для компании. Что же будет дальше?

Комплимент должен был разрядить обстановку и сделать беседу менее формальной, но Соня приняла его слова как напоминание об одолжении.

– Спасибо, что поверили мне вчера.

– Речь не об этом, – отмахнулся он с разочарованием человека, рассказавшего удачный анекдот в неудачной компании. – По пятницам я жду от подчиненных недельные отчеты. Естественно, в эту пятницу я не рассчитываю получить отчет от вас, но, начиная со следующей, вам придется сообщать мне о состоянии дел.

Не удивившись, Соня тут же запросила для примера форму отчета. «Слишком строга, слишком официальна, – решил директор по персоналу. – Похоже, она так боится не оправдать доверия, что слегка переигрывает».

– Кирилл введет вас в курс дела, ознакомит с бумагами, людьми и подводными камнями. Вон там ваше рабочее место. Хотя работа не вполне сидячая.

Соня из-за стекла осмотрела кабинет, где каждая прилежная рыбка занималась своим важным делом, и лишь один стол с компьютером и телефоном был девственно чист.

– Кирилл даст вам также список местных телефонов, проведет по комнатам, выдаст пропуск в офис и в столовую и подключит мобильный.

– Я могу прочесть корпоративные правила, чтобы ничего не нарушить?

– Читайте на здоровье. – Он достал с полки за спиной толстую зеленую папку. – Кириллу уже не терпится начать обзорную экскурсию по этажам.

Почувяв, что начальник говорит о нем, Кирилл опустил голову и уткнулся в бумаги.

– Начнем с экскурсии, – согласилась Соня и поднялась.

– Желаю удачи!

Окончание разговора получилось несколько скомканным, потому что и на этот случай у него были заготовлены напутственные слова, но она уже вышла.

– Можно?

Соня единственная стучалась в его прозрачную дверь, терпеливо ждала приглашения и называла его на «вы». Из всех возможных вольностей в отношениях с коллегами она позволяла себе лишь легкую иронию, но никогда – полновесных шуток. Ее сдержанность не открывала лазейки, чтобы свободно перейти к демократичному «ты», которое было принято в качестве корпоративного стандарта.

И все же директор департамента по управлению персоналом получал неподдельное удовольствие от общения с этой элегантной и отстраненной женщиной и втайне ждал коротких минут, когда она заходила с докладом о штатных и нештатных ситуациях в компании. По сложившейся традиции интриги и сплетни были вверены вниманию менеджеров по персоналу под личным руководством Александра Васильевича. Задача ставилась не из легких: пресекать скандалы и принимать меры по профилактике конфликтных ситуаций, но большая часть его подчиненных ограничивалась аккумулярованием сплетен и распространением их в курилках, столовой и у кофе-машин. Но Соня никогда не рассказывала о том, что творилось в других отделах, если это напрямую не касалось ее работы.

– Александр Васильевич, – начала она и заглянула в шпаргалку, как будто сверялась с правильным ответом. – Я бы хотела поговорить об отделе маркетинга.

– Что-то случилось?

– Я провела всесторонний анализ проблемы с принтером на втором этаже и выявила... – Брови директора по персоналу полезли вверх, и Соня улыбнулась. – Это поначалу страшно звучит. Сейчас расскажу по порядку.

Несколько минут подробного изложения сложившейся ситуации закончились, а он все еще в задумчивости трогал нижнюю губу карандашом, попавшим под руку.

– Александр Васильевич, – позвала Соня вкрадчиво. – Я понимаю, что перегрузила вас подробностями...

– Лично мне привиделась надпись над воротами ада.

– Ну что вы. – Соня посмотрела на него с достоинством человека, решившего сложную задачу и гордящегося своей изобретательностью. – Безвыходных ситуаций не бывает.

– Сразу скажу, что решение «в лоб» не подходит. Бюджет маркетинга постоянно в дефиците.

– В том-то и дело, что покупать ничего не нужно.

– А вот с этого места подробнее.

Александр Васильевич потер ладонью щеку, саднящую после неудачного бритья, и с одобрением посмотрел на Соню. Она сидела в своей обычной позе – на краешке стула с бумагами на коленях, готовая в любую минуту снова поднять нелегкое бремя хозяйки всего офиса.

Предложенное ею решение было легким и виртуозным, и лишь одна деталь портила общую картину. Там, где оказывалась замешана бухгалтерия, пусть даже не финансами, как в этом случае, конфликт, как фурункул, назревал на ровном месте буквально из-за ерунды. Он поспешил сообщить ей об этом, но Соня оказалась осведомленной.

– Меня уже предупредили, чтобы я не наломала дров. Боюсь, теперь придется вступить вам.

– С нашей бухгалтерией один на один выходить опасно, – вздохнул Александр Васильевич. – Ладно, постараюсь воплотить в жизнь вашу смелую мечту. А то, по вашим словам, скоро у меня народ из маркетинга побежит без оглядки.

– Да, отсутствие удобств раздражает, – сказала Соня. – Зато они смогут по достоинству оценить вашу заботу.

Александр Васильевичу послышалась легкая ирония в ее голосе, и он ответил в той же манере.

– Не мою заботу, уважаемая Софья Ильинична, а вашу. Кстати, прошел уже почти месяц, и насколько я знаю, все довольны вашей работой.

– О, нет, вас обманули! – Соня прижала ладонь к груди, и он залюбовался узкой кистью с холеными ногтями и нескромным обручальным кольцом. – Все совсем не так гладко. На прошлой неделе я вовремя не перевела телефонные номера у консультантов, и меня грозились в следующий раз убить. В понедельник чуть не остались без бумаги разработчики. Я бегала и выпрашивала у всех по чуть-чуть. К счастью, мир не без добрых людей.

– Вы слишком строги к себе.

– А сегодня мне сообщили, что в бухгалтерии сломался ксерокс. Главбух рвет и мечет, а телефон в сервисе занят. Привезу мастера сама, даже если придется применить силу.

– Может, дать кого-нибудь в помощь? – рассмеялся он, чувствуя, как между ними подтаивает тонкий лед. – В бирюзовом мерседесе и я бы не прочь прокатиться.

– Я сегодня оставила его дома, – неожиданно сухо ответила она и поднялась.

– И что за машина на этот раз?

Даже если его интерес выглядел заигрыванием, остановиться он не мог. С каждым днем эта женщина, не считающая своих денег и радеющая за бюджетные расходы компании, нравилась ему все больше.

– Красное купе «гадюка». В Москве они редкость.

И прежде, чем он успел удивиться, она вышла из кабинета, оставив вместо себя весенний запах цветущего жасмина.

Александр Васильевич приподнял жалюзи на окне. С утра небо было хмурым и мятым, как не проснувшееся лицо в зеркале. Между домов пластами молочного желе лежал туман, и с трудом можно было различить стоп-сигналы машин, идущих в нескольких метрах впереди. А теперь синева, зажатая в прямоугольнике крыш, была разбавлена редкими облаками, и, жмурясь от бьющего в глаза солнца, он впервые отметил перемены в природе.

За окном разгорался март. Капли воды с тающих сосулек ударялись о железный козырек под окном и скатывались в большую лужу. Между колесами его новенькой ауди собралось приличных размеров озеро, и если дворники не разгонят ручьи и не прочистят канализационные стоки, забитые всякой дрянью после зимы, то к вечеру оно замерзнет, и машина врастет в лед. А если и не замерзнет, то он все равно промочит надетые не по сезону ботинки на тонкой подошве, пока будет форсировать водное препятствие, добираясь до двери. Ни та, ни другая перспективы его не обрадовали.

Машин, которые могли без натяжки считаться красными, было три. Две из них были ему знакомы давно: пижонская БМВ начальника отдела продаж – с прошлого лета, и старая альфа ромео одного из юристов – с самого начала карьеры в компании. Третью машину почти не было видно за двумя стоящими рядом внедорожниками. Только кончик ее экзотически загнутого вниз капота, как нос гончей, почти утыкался в остатки грязного сугроба возле забора.

Он мысленно перебирал итальянские, английские и немецкие конюшни, но «гадюка» не спешила на поверхность, чтобы погреться на весеннем солнышке. «Жаль!» – вздохнул он, не разобрав марку за массивными кузовами внедорожников, и обернулся к двери. Сониной

сумки уже не было на месте возле мерцающего звездной россыпью монитора. «Сейчас она выведет своего коня на дорожку», – с азартом подумал Александр Васильевич, наблюдая, как Соня в короткой белой шубке спешит к машине, по-девчоночьи перепрыгивая через ручейки на высоких каблуках. Но в этот момент его отвлек телефонный звонок, а когда он снова повернулся к окну, дорога, как обычно в разгар рабочего дня, была пуста. «В другой раз», – утешил он себя и вернулся в кресло, позволив потокам солнечного света беспрепятственно вливаться в кабинет.

День рождения компании каждый год отмечали сразу после майских праздников. Все иные поводы собраться за столом были уже исчерпаны, короткая передышка с шашлыками на дачах подошла к концу, кто-то даже успел погреть косточки на курортном солнышке, и вот тебе – настоящий праздник, без ограничений и ханжеских вывертов. Напиться, значит, напиться. Да здравствует весна, любовь и щедрые боссы. Единственное, что не приветствовалось, так это приход со своими женами или мужьями. Праздник традиционно считался камерным, несмотря на размах мероприятия. На него принято было приглашать всех, кто когда-то занимал в компании значимые должности или каким-то образом, находясь вне коллектива, поспособствовал общему процветанию.

Если восьмое марта, Новый Год или Рождество обычно отмечали в зафрахтованном до утра ресторане, то этот день считалось традицией провести в родных стенах, чтобы почувствовать редкое единение душ и, если была такая необходимость, то и тел.

Каждый раз подготовка мероприятия ложилась тяжелым грузом на Александра Васильевича и весь его отдел. В этом году к проблемам закупки всего необходимого для пиршества и лотереи с ценными призами подключили и Соню, которая удвоила активность и за пару дней до мероприятия обнаружила, что все платья болтаются на ней, как на вешалке. Настя, призванная составить ей компанию по магазинам, охала и ругала ее работу на чем свет стоит. Сама она после рождения Никиты была счастлива уже тем, что не прибавила лишних килограммов.

После трех часов хождения по бутикам и бесконечного раздевания под яркими лампами в примерочных Соня остановила выбор на длинном темно-зеленом платье с высоким разрезом сбоку и полуобнаженной спиной. Здесь же нашлись и туфли в тон, что сняло с ее души огромный камень. После рабочего дня провести три часа в магазинах оказалось настоящей пыткой.

– Надо было взять красное с открытыми плечами, – ворчала Настя, копаясь пальцами в коробке с платьем. – Нет, материя чудесная, но красное... Вы бы в нем были секс-бомбой.

– Зачем, Настенька? – через силу улыбнулась еле живая Соня. – Я ведь иду на корпоративный вечер, а не зарабатывать на пропитание.

– Это глупости, что только падшие женщины ходят в красном. Для такого цвета нужно иметь идеальную фигуру, потому что он притягивает мужчин, как быков. Как бы я хотела хоть раз надеть такое платье!

– У тебя опять проблемы с Антоном? – спросила Соня, переживая за ее неудавшуюся семейную жизнь, как за свою.

– На Антоне свет клином не сошелся. Мужики просто падали бы к моим ногам!

– Нет, нет, красное – это слишком вызывающе.

– Призывающе, – сострила Настя, но вспомнила о профессоре. – Если бы вы не были замужем...

– Да, если бы... Господи, о чем это ты? – спохватилась Соня. – Зеленое – замечательное.

– Как скажете, барышня, – согласилась Настя и закрыла глаза, представляя себя в красном платье среди мужчин, сложенных штабелями вдоль дороги.

К началу праздничного вечера Соня так устала от суеты и нетерпеливых ожиданий коллег, что почти не запомнила ни вступительного слова генерального и ответных речей приглашенных гостей, ни красочного оживления во время лотереи, ни первых официальных и полуофициальных тостов.

Несколько раз она танцевала с проявившими обычную для себя активность консультантами, но большую часть времени сидела в углу у окна, наблюдая за перемещениями людей по залу и ловя обрывки чужих разговоров.

Кирилл порхал из угла в угол, одетый во все яркое и пестрое, как молодой фазан. А Александр Васильевич раз за разом возвращался из толпы танцующих к той стороне стола, где свила гнездышко группа молоденьких девушек из приемной, которых он ежедневно баловал свежими анекдотами из интернета, и которые испытывали к нему простительную слабость. В очередной раз вырвавшись из цепких девичьих рук, он огляделся по сторонам и увидел уединившуюся в разгар веселья Соню. На сегодня он был сыт пустыми разговорами и многозначительным хихиканьем и решил попробовать себя на другом поприще.

– Потанцуем?

– Нет-нет, я не...

Она даже отступила на шаг, словно пыталась убежать, но он не был настроен на отказ.

– Я чем-то провинился?

– Что вы! – испугалась Соня и прекратила отступление.

– Тогда идем.

Он взял ее за руку и увлек в круг танцующих. В эту минуту быстрая музыка сменилась медленной композицией, и ему удалось сократить расстояние между ними до позволенного приличиями минимума. На этот раз от нее не пахло жасмином. Запах был пряный и густой, темно-зеленый, как ее вечернее платье с глубоким вырезом на спине. Соня держалась прямо и смотрела куда-то поверх его плеча, как будто боялась перевести глаза на своего партнера.

– Я заметил, что вы совсем не пьете, – заговорил он, наклонившись к ней, и попытался поймать ее взгляд.

– Не пью.

Чтобы не быть занудой, он не стал спрашивать о причинах. Вероятно, сегодня эту фразу она слышала не один раз.

– Тогда вам, должно быть, скучно. Наблюдать за выпивающими, которые неизвестно чему радуются и заводят друг друга сомнительными шутками, удовольствие ниже среднего.

– В этом есть своя прелесть. Многие становятся естественными, сбрасывают привычную кольчугу. И потом, я никогда не видела всех вместе. Посмотрите, сколько красивых пар.

Он последовал ее совету и обвел взглядом зал. Ему было известно об этих людях куда больше, чем ей. Он знал, когда какие пары составлялись, когда менялись партнерами или распадалась. Некоторые ограничивались невинным флиртом на работе, поддерживая естественный тонус и блеск в глазах. Другие сбегали в обеденный перерыв на съемные квартиры и частенько задерживались там дольше положенного. Кое-кто пошел еще дальше и со всей серьезностью готовился к разводу, чтобы узаконить служебный роман.

– А мы с вами?

– Я не это имела в виду, – смутилась она.

– Я тоже. По-моему, со стороны мы должны смотреться неплохо. Помните, как сказал герой Андрея Миронова: «Вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен»?

– Да, – с улыбкой согласилась она. – В этом смысле, пожалуй.

– Надо же, я заставил царевну-несмеяну улыбнуться. – Он слегка сжал ее руку, и свет на ее лице погас. – Вы не пьете, не курите, не ходите по пятницам в джинсах и свитерах, не сплетничаете в столовой о том, кто с кем встречается. Это странно. Вы не устали всегда быть серьезной?

– Я такая родилась, – пожала плечами Соня.

– Не может быть. Вы постоянно контролируете себя и этим выделяетесь на общем фоне. Хотя, не только этим. – Он вспомнил о машинах, каких нет ни у кого в компании, о костюмах

и шубах, о строгих украшениях стоимостью в целое состояние. – О вас шепчутся. Вам завидует лучшая часть коллектива, вы вызываете раздражение у худшей его части.

– Я понимаю, что вношу диссонанс, – вздохнула она – Но что же мне делать? Купить старенькие Жигули и одеваться на вьетнамском рынке? Разве дело в одежде?

– Для большинства – да.

Он удивился, что приходится объяснять ей такие простые вещи. Может ли женщина с зарплатой в триста баксов одеваться лучше, чем жена генерального директора и трижды на неделе менять машины под цвет лака для ногтей? Разве ответ не очевиден? И даже если она завтра приедет на ржавой «копейке» в синем спортивном костюме времен застоя – это уже ничего не изменит.

– Значит, я ничего не смогу изменить, – словно прочитав его последнюю мысль, сказала она.

– Нет. Но для окружающих хуже другое – вы ничего не хотите менять. Помните главный принцип революционеров «всех сделать бедными»? Уравниловка и только она греет сердца неимущих.

– Я не стану бедной. У меня это не получится. А если бы и получилось... Я – как кошка породы сфинкс, выросла в теплом инкубаторе и на сквозняке не выживу.

– Вы серьезно так думаете? А как же подтвержденное сотнями научных фактов исследование, что человек может привыкнуть к любым условиям?

– Я говорю только о себе.

– Я все-таки не могу вас понять, Соня, – размышляя вслух, сказал Александр Васильевич и слегка отстранился, чтобы лучше разглядеть ее. – То ли вы слишком сильная, но хотите казаться слабой, то ли, напротив, такая слабая, что носите железную маску, чтобы этой слабости не было видно. Помогите мне разобраться.

– Если я не справляюсь со своими обязанностями...

– Справляетесь. Но я должен понимать своих сотрудников, а с вами у меня какой-то информационный и эмоциональный провал.

– И вы решили поговорить со мной об этом в неформальной обстановке?

Он подумал, что сейчас бессовестно пользуется своим служебным положением в личных целях. Он вовсе не пытался вызвать ее на откровенность, чтобы сложить полученную информацию в папку с ее фамилией и использовать в нужный момент, но из его последних слов выходило, что дело обстоит именно так.

– Вообще-то я не собирался говорить о работе, – смутился он.

– Но если начали... Я не вписалась в коллектив, ведь так? – Соня готова была предположить самое худшее. – У меня на днях заканчивается испытательный срок...

В этот момент музыка стихла. Пары начали распадаться, перебираться поближе к разорванным столам и образовывать новые группки. Александр Васильевич и Соня вынуждены были отодвинуться друг от друга.

Соня чувствовала себя хуже некуда. Разговор, начавшийся нейтрально, подвел ее к черте, за которой решалась ее судьба. Но ответа на свой вопрос она не получила и оставшуюся неделю должна была провести в душевных муках. В то, что разговор об отношениях в коллективе возник случайно, она не верила. А директор по персоналу ощущал себя ребенком, отрывающим у бабочки крылья, чтобы посмотреть, сможет ли она ходить, потеряв способность летать. Но крылья этой бабочки вызвали в нем мысли, далекие от служебного интереса. И когда ди-джей, приглашенный поддержать корпоративную вечеринку, неожиданно для всех объявил белый танец, сославшись на заявку «одной прекрасной дамы, мечтающей завоевать сердце рыцаря», Александр Васильевич решительно шагнул в Сонину сторону.

– Кажется, прошлой песни нам не хватило.

– Да, – сказала она с облегчением и положила доверчивую руку ему на плечо.

– Я не поторопился? – усмехнулся он. – Возможно, вы хотели выбрать другого?

– Вы знаете, что нам надо поговорить. – Она подняла брови и с усталым вздохом взглянула на него. – Не мучайте меня.

И он увидел умоляющие глаза маленькой девочки, одетой в шикарное вечернее платье и готовой вот-вот расплакаться. Однажды он рано вернулся с работы и застал свою младшую дочь в родительской спальне, примеряющую мамины костюмы и туфли, благоухающую, как цветочная клумба, с раскрашенной мордашкой и таким же испуганным и доверчивым взглядом, ждущим заслуженного наказания.

– Хотите, открою вам страшную тайну? – вместо ответа зашептал он ей в ухо. – Но, учтите, если вы меня выдадите, меня ждут неприятные минуты наедине с начальством. Впрочем, я и так знаю, что вы никому не скажете.

– Не скажу, – покладисто подтвердила она.

– Через неделю я должен буду объявить вам результаты вашей трехмесячной работы.

– О, господи! – Он снова верг ее в бездну сомнений. – Хотите сказать уже сейчас, что мне лучше заранее собирать вещи?

– Да почему женщины всегда так торопятся с выводами? – возмутился он. – Выводы сейчас делаю я.

– Простите.

Она опустила плечи, приготовившись выслушать приговор и не ожидая ничего хорошего от его тайны.

– Я должен сказать. – Он склонился к ней, почувствовал щекой шелковистую прядь и, воспользовавшись интимностью заявленной интриги, прижал женщину к себе. – Вы блестяще справились со своей работой. Я с удовольствием оставляю вас в компании и счастлив поднять вам на тридцать процентов заявленный оклад. Даже жаль, что вам этого не нужно.

– Да, не нужно, – равнодушным тоном произнесла Соня и с облегчением закрыла глаза.

– Вы не рады, что выдержали испытание? – На этот раз ее ледяная сдержанность показала ему вызывающей. – Может быть, это мы не соответствуем, и вы хотите нас оставить?

– Что вы! – Соня не на шутку испугалась и поторопилась неловко разубедить его. – Мне очень нравится здесь работать.

– Тогда что же вам мешает взвизгнуть от радости и повиснуть у меня на шее со словами благодарности?

– Я никогда в жизни так не поступала, – растерявшись, ответила она. – Меня учили сдерживать чувства на людях.

– Главное, чтобы они у вас были. Мне их не видно, к сожалению.

– Я счастлива. – Она не смогла скрыть сомнения в голосе. – Не сердитесь, но я не могу все время извиняться за себя.

Даже находясь в его руках в прямом и в переносном смысле, она удерживала его на расстоянии. И чем ближе он пытался подойти, тем сильнее ее предостерегающая ладонь упиралась ему в грудь. Еще один шаг с его стороны – и непонимание перерастет в агрессию. Ее холодность и намеренная дистанция бросали ему вызов, мимо которого нельзя было пройти, не перестав считать себя мужчиной. И потому он позволил себе двусмысленность, которая не могла оставить ее равнодушной.

– Тогда попробуйте убедить меня не словами.

– Я могла бы попробовать работать еще эффективнее, – задумалась Соня, но тут же возразила самой себе. – Нет, не могла бы. Я выкладываюсь, как могу. Наверное, просто опыта не хватает.

– Соня! – позвал он, не надеясь больше быть понятым. – Вы меня совсем не слушаете. Мне нет никакого дела до производительности труда, финансовых показателей и тому подоб-

ной ерунды. Просто посмотрите на меня и улыбнитесь. А обо всем остальном я смогу догадаться.

– Улыбнуться?

Сейчас ее глаза казались почти черными. В расширенных зрачках дрожали блики разноцветных огней, а на губах играла едва заметная улыбка. «Она красавица, и при этом как будто не знает, как обращаться со своей красотой!» Он представил себе, какой силы пощечину мог бы заработать, попробуй он сейчас поцеловать эти губы. Соня все еще смотрела на него, не подозревая о его тайных желаниях. Может быть, и к лучшему. Хотя вся обстановка вечера подсказывала ему, что за это удовольствие стоило бы заплатить слегка попорченным лицом.

– Уважаю людей, умеющих владеть собой, – наконец сказал он, первым отведя взгляд. – Не хотите рассказать немного о себе?

Александр Васильевич решил, что сейчас самое время получить немного личной информации, не рискуя показаться навязчивым.

– Не хочу, – с подкупающей искренностью ответила она. – Я не люблю рассказывать о себе.

– И на вопросы не отвечаете?

– Смотря на какие.

Это было равносильно ответу «не отвечаю», и он попробовал зайти с другой стороны.

– Ну, хотя бы просьбу мою уважить сможете? В качестве скромной награды за разглашение сверхсекретной информации.

– Постараюсь, если это в моих силах.

– Соня, давайте перейдем на «ты».

Что ей стоило после такого интимного разговора, держа руку в его руке, вдыхая запах его одеколона, сказать «да»? Согласиться с тем, что рабочие отношения вполне могут перерасти формальные рамки и стать дружескими. А это означало утренний обмен информацией о дураках и дорогах, забитых дураками, совместное распитие кофе во время многочисленных перекуров, пересылку забавных картинок с одного электронного ящика на другой с добавлением своих комментариев. Это означало всего лишь нормальную человеческую жизнь, приправленную рабочими проблемами, совещаниями и отчетами. Но она спросила: «Зачем?» и отказалась увидеть в нем человека, а не начальника.

– Потому что так удобнее, – как маленькому ребенку пояснил он, теряя терпение. – Не всегда нужно носить костюмы и шляпы.

– На работе мы всегда в костюмах, – возразила она.

– Тогда примите дружеский совет, – стараясь быть дружелюбным, а не язвительным, ответил он. – Люди не любят себе подобных, никогда не снимающих костюмы. Надменность, равнодушие, пренебрежение – вот что такое костюм среди тех, кто предпочитает джинсы и футболки.

– Разве я требую, чтобы меня любили? – оборвала его Соня, заставив пропустить целый кусок проповеди. – Проще работать, когда тебя не отвлекают фамильярным похлопыванием по плечу или скучным рассказом о семейной сцене.

– Вы не хотите, чтобы вас любили?

От неожиданности он даже забыл, что во время танца следует хотя бы иногда передвигать ногами.

– Не знаю, – тут же засомневалась она, увидев свой ответ под другим углом. – Это образно. Я об этом не думала.

– Итак, вы и дальше будете продолжать держать всех нас на расстоянии выстрела?

Именно на выстрела, чего же еще! Холодное оружие помогает в ближнем бою, а она не подпускает к себе никого на расстояние вытянутой руки.

– Вам проще обращаться ко мне на «ты»? – вдруг спросила она, наморщив лоб.

– И вам будет проще.

– Ладно.

Ничего, что могло изменить ее мнение, в этот миг не случилось. И, тем не менее, она шагнула ему навстречу, словно только что не сопротивлялась, как пещерный лев, отстаивая свою независимость. Но теперь-то она в ловушке, и назад пути нет. Можно без особых потерь опуститься до «ты», но подняться обратно до «вы» еще никому не удавалось.

– Да не будь такой серьезной, словно тебя вынуждают публично разоблачиться.

Еще минуту назад такое сравнение было бы просто немыслимым.

– Хорошо. – Снова согласилась она, пытаясь привыкнуть к новому статусу. – Танец уже закончился.

Александр Васильевич почти с облегчением опустил руки. Ему требовалось выкурить сигарету и подкрепиться чем-нибудь горячительным, словно после тяжелых переговоров с несговорчивым клиентом. Он отвел ее к колонне, возле которой начался их разговор, и, слегка поклонившись, пошел к маркетологам, столпившимся возле стола и поднимающим один тост за другим. Его увидели, замахали руками, и он с неожиданной теплотой подумал о коллегах, с которыми бок о бок провел почти пять лет, не мучаясь проблемами психологической совместимости.

Но Соня недолго оставалась одна. Кирилл, искавший глазами в толпе, к кому бы пристроиться со своим стаканом, увидел ее возле стены.

– Привет! Как вам здесь нравится?

– Здорово! – почти прокричала Соня. – Только громко!

– К этому с годами привыкаешь. Я люблю такие тусовки!

– А я сегодня в первый раз.

– А как же восьмое марта? Мы классно отрывались.

– Я не ходила.

– О, первый раз следует отметить! Выпьем?

– Нет, спасибо. – Она подумала, что не выдержит еще одной дискуссии на эту тему. – Лучше потанцуем.

– Тоже вариант, – согласился он и, опорожнив свой стакан, искал глазами кого-то в зале. – Сейчас пристрою пустую тару.

Проходящий мимо юрист согласился отнести стакан к столу в обмен на какую-то любезность, в понедельник. Кирилл, не дослушав, согласился стать «вечным должником» и, дружески хлопнув его по плечу, снова повернулся к Соне.

«Если уж начинать новую жизнь, то не откладывая в долгий ящик!» – решила Соня.

– Кирилл, можно вас попросить об одолжении?..

– Денег нет, – хохотнул он. – А все остальное для прекрасной дамы сделаю с удовольствием.

– Давайте перейдем на «ты».

Кирилл удержал ее руку, остановился и чуть-чуть отодвинулся, словно пытаясь лучше рассмотреть собеседницу. Соня, полная решимости, не отвела глаз.

– Это лучшие слова в моей жизни за последние три месяца! Ты танцуешь только медляки? Или оторвемся по полной?

– По полной, конечно! – с облегчением выдохнула она.

– Кстати, у тебя самое красивое платье за всю историю местных вечеринок!

– А оно не слишком открытое, на твой вкус?

Он едва удержался, чтобы не сказать, что его вкус предпочитает обходиться без платья.

– Посмотри-ка вон туда. – Он развернул ее за плечи и указал в сторону окна. – Видишь умопомрачительную ночную сорочку на нашей королеве маркетинга? Вот это – слишком. А у тебя в самый раз!

Соня благодарно кивнула, а Кирилл представил себе, что сказала королева маркетинга по поводу Сони и ее платья, и порадовался, что родился мужчиной.

Минут через сорок Александр Васильевич, как призрак, набравшийся сил в подземелье не без участия волшебного зелья, снова возник за ее плечом со стаканом в руке.

– Я смотрю, ты здесь пользуешься бешеным успехом.

– Да, это даже странно, – слегка покраснела Соня. – Наверное, из-за платья.

– Какая ерунда! – возмутился он. – Ты или совсем не разбираешься в мужчинах или напрашиваешься на комплимент. Не знаю ни одного, кто подошел бы к женщине ради красивого платья. Вот, давай спросим независимого эксперта.

Он ухватил за рукав начальника отдела продаж, проходящего мимо в изрядном подпитии.

– Стой, Сергей Борисович! Куда идешь?

– К столу. – Недовольный, что его задержали на тернистом пути к неземному блаженству, тот посмотрел на Александра Васильевича мутными глазами и попытался вырвать руку. – Тороплюсь.

– Скажи, тебе нравятся женские платья?

– Ты что, с ума сошел? – зашипел тот, понизив голос и вращая глазами. – Ты же меня сто лет знаешь! Я что, на педика похож?

– Никогда, Серж, никогда! – заверил его коллега и подмигнул Соне. – А скажи-ка мне, уважаемый Сергей Борисович, что тебе нравится в женщинах, если не платья?

– Не надо, Саша! – испугалась Соня. – Пусть идет.

– Ну, в женщинах, – пробормотал тот, словно пытаясь вспомнить, что это за зверь такой «женщина» и что в ней может нравиться. – Ну, у них такое... и еще это...

Вместо связной речи он предпочел показать руками, где «такое» расположено и каких объемов должно быть «это».

– Согласен, – в понятной Сергею Борисовичу лаконичной манере ответил Александр Васильевич. – Молодец. Пять баллов.

– А ты что, опрос проводишь со-ци-о-ло-ги-че-ский? – с трудом завершил сложное слово начальник отдела продаж.

– Нет. Мы же на вечеринке, помнишь?

– Ах, да-да-да, – закивал тот и вдруг заметил Соню. – О! Разрешите вас пригласить!

Сергей Борисович качнулся к ней, протянул руку, словно пытаясь ухватиться за женщину, как за опору, но Александр Васильевич загородил Соню собой.

– Извини. Следующий танец обещан мне.

– Как скажешь, – без обиды пожал плечами тот и, забыв о конечном пункте назначения, повернулся с тем же предложением к одиноко стоящей новенькой секретарше из приемной.

Девочка шарахнулась в сторону и попыталась ввинтиться в группу пьяных и шумных программистов, которые с удовольствием разомкнули ряды, принимая ее под свою защиту. Начальник отдела продаж с минуту постоял, пытаясь справиться с ощущением вопиющей несправедливости и осознать себя в этом мире, потом снова повернулся в сторону стола, как стрелка компаса, и уже не сбивался с заданного курса, пока не добрался до предмета своего вождения.

– Вечер входит в стадию исступления, – прокомментировал его упорное движение к цели Александр Васильевич. – Но у нас еще есть минут десять на танцы и еще десять на то, чтобы вовремя слинять.

– Тогда пошли танцевать? – спросила Соня, опасаясь, что следующий кавалер может тоже оказаться не в кондиции.

На втором танце, приобняв ее за талию, он заметил вялость, с которой она передвигалась вслед за ним.

– Мне кажется, или ты устала?

– Устала ужасно, – пожаловалась она. – Громко. Накурено. И натанцевалась сегодня, как на выпускном балу.

– Ты что же, помнишь свой выпускной?

– От первой минуты до последней!

Еще бы ей не помнить тот вечер и робкого мальчика со светлыми, как у ангела, волосами и яркими фиалковыми глазами, который впервые целовал ее в темноте школьного коридора на последнем этаже, где едва была слышна музыка из актового зала. Он лишь раз прикоснулся к ее груди и почти сразу убрал руку, опасаясь помять праздничное платье. А потом заканчивалась ночь, и был мужчина, который дожидался ее в темном доме, как раньше ждала его она. И целовал ее, заставив почувствовать себя желанной, хотеть близости и забыть обо всем. Ей никогда не забыть, как она едва не стала женщиной и, несмотря на это «едва», вынужденно повзрослела, отказавшись от человека, который был ее тайной надеждой и страстью. Незабываемый вечер, открывший двери в будущее, и долгая ночь, развеявшая детские мечты.

– А я почти ничего не помню, – не подозревая, что вызвал в ней бурю счастливых и горьких воспоминаний, принял эстафету он. – Кто-то из ребят принес водки. Сама понимаешь, какая это гремучая смесь с газировкой для скромного мальчика, которому родители даже шампанского на новый год не наливали. Я собирался на другой день ехать подавать документы в университет. Естественно, не смог. Два дня провалялся в кровати, в муках избавляясь от остатков праздничного ужина и плотая таблетки. Бедная моя мама! Не представляю, как она все это вынесла!

– А у меня остались очень светлые воспоминания, – скорее себе, чем собеседнику, сказала Соня и твердо повторила: – Очень светлые. Никаких разочарований.

Александр Васильевич, занятый перелистыванием картинок из прошлого, уловил оттенок грусти в ее первой фразе и фальшь во второй, но углубляться в подробности не стал. Оглядев поредевшие ряды гуляк, он сделал важный вывод:

– По-моему, пора уходить.

– Да, время позднее. – Она мельком взглянула на часы. – Меня ждут.

– Ничего, сегодня особый случай, подождут.

Он вовсе не собирался делать одолжение ее домочадцам, но время, в самом деле, было позднее. Он протолкался через коктейль из юристов, смешанных в равной пропорции с консультантами и маркетологами, и вытянул за собой Соню. По слабо освещенной лестнице они поднялись на второй этаж, полностью погруженный во тьму.

– Черт, здесь темно, как... – Он вовремя сдержал готовое вырваться слово, когда дверь на лестницу плавно закрылась. – Держись за меня. Пойдем по приборам.

Не выпуская ее руки, он прошел вдоль стены, пока не наткнулся на углубление. Свет вспыхнул сначала в малом холле, потом замигали и зажглись лампы по всему коридору. Свободной рукой Соня прикрыла глаза, и Александр Васильевич получил возможность несколько секунд беспрепятственно рассматривать свою спутницу с головы до ног.

– Бери вещи и возвращайся. Я подожду здесь.

Соня удалилась по лысеющей ковровой дорожке, но едва он прикурил, из коридора раздался ее разочарованный голос.

– Саша, здесь заперто, а ключи у меня в сумке.

– Что бы ты без меня делала!

Александр Васильевич искал, куда пристроить сигарету, но, не найдя подходящего места, отправился выручать женщину, оставляя за собой легкую дымовую завесу.

Она стояла босиком у закрытой двери. Он посмотрел на туфли, которые она держала в руке, и мысленно придвинулся, чтобы примерить, на сколько сантиметров она стала ниже. Соня спрятала туфли за спину и боком протиснулась мимо него в дверь. Директор по персоналу остался при входе, опершись спиной о косяк.

Она собрала вещи и, надев другие туфли, направилась к двери. Он затушил сигарету о подошву ботинка и ловко бросил ее в ближайшее мусорное ведро. Соня выключила свет, но он вдруг загородил ей дорогу, не торопясь покинуть пустой этаж.

– Странно, что к такой красивой женщине еще никто не подъехал.

– В каком смысле?

Она опустила глаза, предчувствуя обсуждение неудобной темы, и сделала вид, что ищет что-то в сумке.

– Ты же сплетни не слушаешь. А служебные романы – это маленькие радости, приятно разбавляющие серые будни.

– Я замужем.

– Здесь большинство семейных. – Он посмотрел на собственное обручальное кольцо, которое никогда не пытался прятать, флиртуя с женщинами. – Если точнее, то восемьдесят пять процентов. У нас все-таки солидная компания, а не какая-то шарашкина контора из вчерашних студентов. И, тем не менее, народ удачно совмещает.

– Ты тоже совмещаешь две жизни?

Соня спросила просто так, чувствуя неловкость от разговора и вовсе не пытаясь получить на него компромат, но Александр Васильевич был не прочь пооткровенничать.

– На такие нескромные вопросы я обычно не отвечаю, но тебе по секрету скажу – нет. Однажды я завел роман на работе – и женился.

– Похвальное завершение романтической истории, – с облегчением выдохнула Соня, но просчиталась.

– А потом я завел роман на работе – и чуть не развелся, – закончил свою короткую исповедь он. – Правда, с тех пор корпоративное воздержание – мое непреложное правило. Но иногда... – Он понизил голос, как закадровый переводчик триллеров. – Долгими зимними вечерами мне ужасно хочется его нарушить.

– Думаю, ты умеешь принимать правильные решения.

Она набралась смелости и попыталась проскользнуть под его рукой, но он не отступил, и Соня оказалась пойманной, как в мышеловке.

– Похоже, одно мне надо принять прямо сейчас.

Он удержал ее за плечи, понимая, что его репутация безупречного начальника готова серьезно пострадать из-за случайной прихоти. Но в жизни есть время для большой любви, а есть время для минутной слабости. И пока не наступил час расплаты, незачем морочить себе голову последствиями. К этой минутной слабости он шел почти три месяца.

Быстро посчитав все явные «за» и «против», Александр Васильевич наклонился к Соне, но она уперлась ладонями ему в грудь.

– Не надо.

– Почему?

В такую игру он уже играл: классическое женское кокетство, соблазнение в действии. Вся атмосфера вечера располагала к усилению взаимного интереса. А простого ответа на вопрос «почему» не существует. Не станет же она открывать философский диспут.

– Потому что я сразу же уволюсь.

Эти слова подействовали на него как ледяной душ после солнечной ванны. Он почувствовал, как свело судорогой скулы и одеревенела спина. Похоже, на этот раз ему не просто отказали. Эта женщина воспринимает флирт, как личное оскорбление. Не поэтому ли его так тянет к ней?

– Такой поворот мне в голову не приходил, – растерялся он. – Не проще применить более традиционный метод?

– Какой? – спросила она, высвобождаясь из его объятий, как из тесного платья. – У меня нет опыта в подобных делах.

– Мне что же, учить тебя, как отказывать мужчинам? – хохотнул он, чувствуя себя дешевым пошляком.

– Надеюсь, мне это не понадобится.

– Отказывать?

– Попадать в такие ситуации, – терпеливо пояснила Соня. – Ты ведь не считаешь, что я тебя спровоцировала? Если так, мы друг друга не поняли. Я не хотела.

Вот именно, она не хотела. Это он осознал слишком поздно.

– Ты просто была со мной мила? – не сумев скрыть раздражения, уточнил он. – Как со всеми остальными и ни с кем конкретно. Ты ведь никого не выделяешь. Мы все для тебя на одно лицо, как китайцы.

– Я не манекен. И у меня есть симпатии и антипатии, но я их не афиширую, потому что не хочу терять хорошие отношения ни с кем.

– А я не хочу терять ценного работника. Хотя этот работник и дал мне понять, что я ему не нравлюсь.

Соня недоверчиво посмотрела на него, стараясь понять, шутит он или сердится. Но его лицо было серьезным и разочарованным по вполне понятной причине.

– Этого я не говорила.

– Говорить и не надо. Сейчас спустимся вниз и выпьем за дружбу и политкорректность!

– Прости, глупо получилось.

Она извинялась за свой отказ, чего никогда бы не сделала опытная в вопросах искушения женщина. И он почувствовал себя мерзавцем.

– Вообще-то это я должен просить прощения.

– Давай просто забудем.

Она дождалась на лестнице, пока он запрет дверь и погасит свет, и начала спускаться, придерживая подол платья. Он смотрел на ее открытую спину, на плавную и легкую, несмотря на усталость, походку. И убеждал себя, что вечер окончился вполне достойно, и ему удалось сохранить лицо во всех смыслах неповрежденным.

– Соня, – позвал он. – Ты на машине?

– Я всегда на машине.

Она обернулась, как будто ждала каких-то других слов, но он не смог разгадать ее немой вопрос, хотя и дольше дозволенного задержал взгляд на ее лице. Он подал ей плащ, открыл тяжелую дверь, и они вместе вышли во двор.

– Я сегодня хотел набраться, – невпопад сказал он, оттягивая время прощания. – Но, кажется, мне это не очень удалось. Теперь придется добираться проверенным дедовским способом – на метро.

– Тебе далеко ехать?

– В Медведково. А там еще на автобусе. Иногда я говорю себе, что надо ходить в народ. Вот сейчас и попробую вспомнить молодость.

– Потом поделись впечатлениями. Я в метро была всего раз пять в сознательном возрасте.

– А у тебя уже наступил сознательный возраст?

– Ладно, не буду тебя держать, – улыбнулась в ответ она. – Спасибо за вечер.

– Надеюсь, ты не затаила на меня обиду? Я иногда бываю так себе собеседник.

В легком приступе самобичевания угадывалась надежда получить опровержение своим словам, но Соня отреагировала неожиданно.

– Это, наверное, полнолуние так действует.

Оба, не сговариваясь, подняли головы к бледному диску на черной подложке, презрительно взирающему с высоты на суррогатный свет фонарей, как военачальник на рассеявшееся после битвы войско врага.

– Кто же еще может все испортить. До понедельника?

Луна обиделась на нелестный отклик и помрачнела, закрывшись серой пеленой облака.
– Приятных выходных!

Они разошлись в разные стороны: Соня к своей одиноко стоящей машине, Александр Васильевич – к воротам, за которыми мучилась бессонницей ночная улица. Соня запустила двигатель и придирчиво осмотрела себя в зеркале. Ну, что же, вечер окончен, и теперь она знает, чем занимаются люди на корпоративных праздниках. Ведь именно этого знания ей когда-то так не хватало. И что же? Разве оно открыло ей какую-то тайну? Пусть ее жизнь в последние три месяца изменилась. Но для этих людей, умеющих веселиться и не думать о наказании еще до преступления, она осталась все такой же непонятной и неприступной, и даже фамильярное «ты» не могло исправить ситуацию.

У подъезда за колонной целовалась парочка, и другая – в подсвеченной изнутри машине. Они не изводили себя экзистенциальными сомнениями, начать ли служебный роман и что на это скажут сослуживцы, а она после истории с Борисом боялась даже голову повернуть в сторону чужого мужчины. Часы показывали одиннадцать тридцать. Она набрала домашний номер, чтобы сообщить о своем возвращении, и приготовилась выслушать несколько нелестных слов в свой адрес, но Николай, как ни странно, не выразил недовольства по поводу ее запоздалого звонка.

– Все уже легли. Ты довольна праздником?

– Все хорошо. Я еду.

– Я тебя дождусь.

Она включила фары и, проехав метров двести, увидела на тротуаре знакомую фигуру, шагающую в направлении метро, притормозила и опустила пассажирское стекло.

– Ты точно не собираешься ловить машину?

Он, занятый своими мыслями, едва не отпрыгнул в сторону, услышав ее голос.

– Господи, как ты меня напугала! Обычно женщины ко мне на улицах не пристают.

– Все-таки поедешь своим ходом?

– А что? Погода прекрасная. Настроение тоже ничего.

– Хочешь, я тебя подвезу? – после заминки спросила Соня. – Умножим наше настроение на два.

– До метро всего ничего осталось.

Он сходу даже не поверил своему счастью.

– А до дома?

– Это далеко отсюда. Ты уверена?

– Садись, а то на нас уже прохожие оборачиваются.

Он открыл дверь и с восхищением оглядел дорогой салон, прежде чем забраться внутрь.

– У тебя здесь такая роскошь!

– Перестань! – Она в нетерпении хлопнула рукой по кожаному креслу, предлагая ему поторопиться. – У тебя тоже хорошая машина.

– Твоя гораздо дороже.

С легким оттенком зависти он провел ладонью по обивке двери, взглянул на мягкую подсветку приборной панели.

– И что? – пожала плечами Соня. – Ты же сам говорил, что не в деньгах счастье.

– Когда это я такое говорил? У меня слабость к хорошим машинам.

– Простительная для мужчины. – Она бросила на него быстрый взгляд, но он все еще продолжал осматриваться, увлеченный автомобилем больше, чем его хозяйкой. – Не забывай показывать дорогу. Мне не часто приходится ездить по ночам в Медведково.

– Твое счастье. А ты где живешь?

– В районе Кропоткинской, – уклонилась от прямого ответа она.

– Ого! Кстати, я все забываю спросить. Кто твой муж?

– Хирург-кардиолог.

– Серьезно? – Его изумление было неподдельным. – Сколько же зарабатывают в наше время доктора?

Он хотел спросить не столько о деньгах, сколько о самом муже, из-за чьего незримого присутствия, как он подозревал, их отношения не перешли служебных рамок. Но получилось о деньгах, и как-то очень уж меркантильно.

– Не знаю. – Она тоже заметила его странный интерес к материальной стороне ее жизни, но не стала заострять на этом внимание. – Не слишком много, я думаю. Хорошие машины – это заслуга моего брата. Как, впрочем, и все в моей жизни.

– Он у тебя директор автосалона?

– Нет, совсем нет, – рассмеялась Соня, представив Илью среди блестящих кузовов или упаковок с запчастями, и ничего не разъяснила заинтригованному собеседнику. – Он богатый человек, вот и все.

– Ты говоришь о нем, как о каком-то мафиози.

Соня многозначительно промолчала и прибавила скорость, чтобы проскочить светофор.

Илья неустанно подчеркивал их клановость. Интересы семьи были важным аргументом в любом споре. Даже теперь, когда дети стали самостоятельными и редко навещали родителей, он требовал от них подчинения семейному благу, как военачальник требует от солдат неукоснительной дисциплины и наглухо застегнутых воротничков. Меньше всех, как ни странно, повезло Марине. Он выбрал для нее специальность, университет, работу и требовал от нее упорядоченных отношений с мужчинами в рамках определенного социального круга. Левушку он пристроил к собственному бизнесу, надеясь в будущем опираться на сына, как на своего приемника. Времени на развлечения под пристальным вниманием отца у того оставалось до смешного мало. Зато Соне на фоне других детей несказанно «повезло». Ее просто выдали замуж и почти освободили от своей опеки. В интересах семьи, разумеется.

Размышляя о родственниках, Соня молчала, кивком головы соглашаясь с комментариями пассажира относительно выбора дороги или нужного поворота. Чтобы не мешать ее мыслям, мужчина устроился удобнее в мягком кресле под тихую музыку и предался упоительным мечтам о недостижимой жизни, в которой он тоже мог бы не считать денег и ездить в шикарной колеснице последней модели. Спихватившись слишком поздно, он едва успел направить Соню в нужный поворот. Она молча вывернула руль, и машина под прямым углом влетела во двор и остановилась, не доехав пару метров до трансформаторной будки.

– Извини, я задумался, – выдохнул он, упираясь рукой в переднюю панель.

– Ты не ударился?

Они посмотрели друг на друга, как два человека, вернувшиеся из путешествий по экзотическим странам и неожиданно столкнувшиеся у входа в булочную на углу родной улицы.

– Спасибо, что подвезла.

– Ты живешь в этой ужасной будке? – притворно удивилась она, чтобы разрядить обстановку.

– Вон там.

Он указал куда-то ей за спину, не склонный разделить ее нарочитую веселость, но Соня даже не обернулась.

– Сегодня был хороший вечер. Я волновалась, как все пройдет.

Александр Васильевич положил руку на спинку ее сиденья, и она метнулась к ней испуганным взглядом.

– Если бы я там, наверху, тебя поцеловал, ты бы меня ударила?

– Нет, – подумав, со всей серьезностью ответила она.

– Надо же! – Казалось, он был разочарован. – А я-то был уверен, что да! А насчет увольнения?

– Тоже нет.

– Но ты сказала...

– Это первое, что пришло в голову.

Он с неодобрением посмотрел на нее.

– Но тогда в чем смысл? Я ведь могу это сделать в любое другое время.

– Смысл в том, что главное – выбрать удачный момент. Время было упущено, и желание тоже.

– Вот тут ты ошибаешься. Я считаю, что и сейчас подходящий момент. Разве нет?

И, решив не дожидаться возражений, он притянул ее голову и поцеловал. Ничего необычного не случилось, мир не закружился в ярких огнях, щеку не обожгла пощечина. Соня не стала отталкивать его, изображать оскорбленную невинность, но и на поцелуй не ответила. Когда он отодвинулся, опасаясь следующей за растерянностью реакции, она поправила волосы и провела пальцами по нижней губе, словно стирала след от поцелуя.

– Пожалуй, теперь я должна тебе кое-что рассказать. – Она вздохнула, продолжая рассматривать граффити на трансформаторной будке, и ее пассажир тоже посмотрел сквозь лобовое стекло, избегая встречаться с ней глазами. – Дело в том, что однажды, уже будучи замужем, я поддалась искушению и тоже завела роман. – Она осеклась, пару секунд размышляя, стоит ли открывать ему эту историю вместе с поучительным итогом или ограничиться короткой версией. – Правда, не служебный, но это не важно.

– И что же случилось? Любовь плохо закончилась?

Слово «любовь» неприятно поразило ее слух, но возражать или, тем более, объяснять, как все было в действительности, она не считала нужным.

– Связь была очень короткой, но ее последствия мы ощущаем на себе уже который год. И я не собираюсь повторять эту ошибку.

– Никто не может знать, когда нас ждет ошибка, а когда – судьба.

В его покровительственном тоне ей послышалась ирония мужчины, подтрунивающего над женской способностью рассуждать о высоких материях.

– Если бы что-то было судьбой, я бы почувствовала, – сухо заметила она и сжала пальцы на руле.

– Такие вещи определяются эмпирически, – преувеличенно серьезно сообщил он и повернулся на недовольный смешок. – Ты сердишься?

– Нет. – Она покопалась в собственных ощущениях всего долю секунды. – Но я все равно попрошу тебя больше не пытаться.

– Соня, я не могу дать такого обещания. – Он хотел улыбнуться и превратить неловкость в шутку. – А если бы и дал, то что помешало бы мне его нарушить?

– Не надо обещаний, мы же не в суде. Просто тебе придется уважать мои чувства и желания, если ты хочешь со мной общаться.

– Знаешь, тебя это, наверное, позабавит. – Он потер переносицу и сцепил руки в замок. – Никогда еще мне не отказывали так элегантно. И самое смешное, что у меня даже нет оснований считать себя разочарованным или обиженным.

Это не могло быть правдой, потому что он, как и положено в данных обстоятельствах, считал себя и разочарованным, и обиженным ее упорным нежеланием ответить на его пробуждающийся интерес. Но что еще он мог сказать ей, когда ее глаза лучше рук удерживали его на безопасном расстоянии.

– Давай просто забудем то, чему быть не следовало.

– Чем больше мы говорим о тебе и о том, что ничего не было, тем труднее мне будет забыть этот вечер, – словно задавшись целью ее позлить, возразил он.

– Тогда не будем говорить об этом вовсе. – Она не попала на провокацию, вызвав у него новый приступ разочарования. – Иди домой. Тебя уже ждут, да и я задержалась дольше, чем обещала.

Соня выразительно взялась за руль, словно предлагала ему поторопиться, чтобы не пришлось прыгать на ходу.

– Дай мне свой номер, – потребовал он.

– Зачем?

– Хочу узнать, как ты добралась. Я перезвоню через полчаса.

– Не стоит беспокоиться.

– Это мне решать, стоит или нет.

Диалог вдруг стал сухим и отстраненным, как у начальника и подчиненного на грани конфликта. Однако она сдалась без боя.

– Куда его написать?

– Вот сюда.

Он протянул ей открытую ладонь, словно показывал, что камня в ней нет. Соня бережно придержала его пальцы и написала семь цифр под линией судьбы. Александр Васильевич, помедлив, захлопнул ладонь и слегка потряс ею возле уха, словно поймал мотылька и прислушивался к его шуршанию.

– У тебя есть полчаса до звонка. Успеешь?

– Ложись-ка ты лучше спать, – усмехнулась Соня.

Он выбрался из машины и наклонился к опущенному стеклу. Пространство салона словно развернулось, наполняясь новыми деталями. Кремовый плащ, брошенный небрежной рукой назад. Мерцающий зеленый огонек мобильного телефона возле лобового стекла. Светлая перчатка, соскользнувшая на пол, и другая, тянущаяся помочь своей подруге. Блики подсветки на белой коже сидений. Контрастные и зыбкие кружевные тени в вырезе платья, как причудливое кольцо. Отчужденное Сонино лицо. Чужой мир, обычно спрятанный от посторонних за стеной тонировки. Он захотел вернуться внутрь и забрать назад все легковесные слова, сказанные сегодняшним вечером, но она повернула голову и в нетерпении спросила:

– Что-то еще?

Директор по персоналу запаниковал, выбирая между определенностью желания и недосказанностью поцелуя.

– И все-таки у служебных романов есть свои положительные моменты.

– У супружеской верности тоже есть бесспорные преимущества, – фыркнула она и свернулась, как ежик, выставив навстречу агрессору все свои иглы.

Стекло поехало вверх, и машина лихо выскочила на улицу задом, полоснув по дворовым дорожкам белыми лучами. В последний момент он едва успел отскочить в сторону, краем глаза заметив, как вторая перчатка дотянулась, наконец, до первой.

«Положительные моменты в романах на работе? – удивлялась Соня, восстанавливая в памяти обратную дорогу в незнакомом районе. – Во-первых, все будут об этом знать, хочу я того или нет. Во-вторых, каждый день видется на работе – да это же скука смертная. Чем такая жизнь отличается от брака? И как работать, если хочешь все время дотронуться и обнять?» Она вспомнила другого мужчину, при мысли о котором все ее существо восставало против необходимости держаться на расстоянии. «А преимущества супружеской верности... В чем они?»

Она отогнала мысли об Илье, нажала на педаль газа, почувствовала привычную радость от скорости и опустила стекло со своей стороны. Прохладный ветер ворвался в машину и, лизнув ее в щеку, как соскучившийся пес, заметался в замкнутом пространстве в поисках игрушки. «Только в том, что ты знаешь, чего от него ждать». Она ответила на собственный вопрос и тут же помрачнела, представив себе запах алкоголя, раздраженный голос мужа и исполне-

ние супружеского долга, которое после рождения Беллы стало больше похоже на приведение в исполнение судебного приговора. Слава богу, у нее теперь есть Белла и работа.

Половина светофоров в городе была отключена, поэтому путь до дома занял меньше времени, чем хотелось бы. Она надеялась проскользнуть в свою комнату незамеченной. Но из-под двери второй спальни сочился свет прикроватной лампы, и тут же раздались шаркающие шаги.

– Ты задержалась. Что-то случилось?

Николай вглядывался в темноту коридора, стараясь разглядеть жену.

– Все хорошо. – Она покачала головой и вытащила из уха серьгу. – Просто я подвезла до дома коллегу.

– Просто подвезла?

– Спокойной ночи, Коля.

– Подожди. – Он приблизился к ней и ощутил ореол табака над ее головой. – Может, я сделаю тебе массаж?

Было очевидно, что ванной и массажем, конечно же, дело не ограничится, но сопротивляться у нее не было сил. Она прошла к зеркалу, сложила украшения в шкатулку, избавилась от платья и забралась в постель. Муж опустил руки ей на лопатки, прошелся умелыми ладонями вдоль позвоночника. Она подумала, что эти прикосновения больше не приносят ей радости, и только закрыла глаза, отдавшись опытным рукам, как на тумбочке зашелся громким звоном мобильный. На дисплее высветились незнакомые цифры, но она знала, кто звонит.

– Я дал тебе дополнительные пять минут на хвостовство.

– Я добралась даже раньше.

– В следующий раз я эти пять минут вычту.

Она промолчала, не зная, как реагировать.

– Я хотел пожелать тебе доброй ночи.

– И тебе.

– Соня!

– Да?

– Нет, ничего.

Она выключила телефон и коротко взглянула на мужа.

– Новый поклонник? – охрипшим от ревности голосом спросил Николай.

– Директор департамента. Я подвезла его домой, а он беспокоится, как я выбралась ночью из незнакомого района.

– Какой заботливый начальник!

– Коля! – Она собралась сделать ему выговор за неуместный тон, но в ту же секунду оказалась в его объятиях. – Перестань!

– Не знаю, какой он директор и чего от тебя хочет, но пока еще ты моя жена.

– Время позднее, я устала, – слабо сопротивлялась Соня, не надеясь, что муж ее услышит.

«Ладно, пусть, – наконец, мысленно согласилась со своей участью она. – Я сама сегодня рассказывала трогательную историю о супружеской верности. И завтра суббота, не придется рано вставать». Она сдержала вздох и покорно обняла мужа за шею, смирившись с хорошо заученной ролью жены.

В это же время на другом конце города директор по персоналу занял свое место в широкой кровати рядом со спящей женой, отвернулся к окну, посмотрел на часы и погасил оставленный в ожидании его возвращения ночник. Спустя несколько минут он уже спал сном праведника. Ладонь с почти стершимися цифрами сама раскрылась, выпустив на волю невидимого мотылька воспоминаний о прошедшем вечере, и наполнилась зыбким лунным светом. И под его призрачной тяжестью рука соскользнула с кровати.

Глава 2. Семейный обед

За овальным столом в синей гостиной семья уже давно не собиралась в полном составе. Но обстановка начала накаляться еще до того, как съехались все приглашенные. Очередной фортель выкинула Марина, без предупреждения заявившаяся в родительский дом с новым поклонником, чем вызвала настороженное недоумение матери и подчеркнуто-добродушную усмешку отца. И даже обычно миролюбивая Соня, перед самым обедом столкнувшись с Ильей в коридоре, огрызнулась, стоило ему упомянуть о ее работе.

Левушка, выступивший зачинщиком обеда, был облачен в светло-серый щегольской костюм и пестрый шелковый галстук. Он готовился сделать официальное заявление и постоянно взглядывал на часы, словно ждал звонка или знамения.

Красивая и моложавая Роза, все утро тщательно прятавшая следы возраста на лице, как насадка суежилась вокруг стола, отдавая последние распоряжения обслуги. Илья, занявший свое место во главе стола, старался не встречаться глазами ни с кем из присутствующих.

– Кто-нибудь начнет разговор? Или будем сидеть, как замороженные? – первым подал голос Левушка, постучав вилкой о край бокала. – Марина, ты о чем молчишь?

– А чего вы от меня ждете? Мне тут не особенно рады.

– Деточка, что ты! – всплеснула руками огорченная Роза. – Мы счастливы, когда вы приезжаете нас навестить.

– Мама, неужели не видно, что сегодняшний прием теплым не назовешь. – Марина недвусмысленно воззрилась на отца, но тот и бровью не повел. – Хозяин меня не жалует.

– Чушь! – отрезал категоричный хозяин дома. – Твоя болезненная мнительность ни на чем не основана. Я тебе слова поперек не сказал.

– Вообще ни слова.

– Чего ты добиваешься?

– Справедливости, папочка. Ты мог бы обращаться поласковее с моими друзьями.

Илья пожал плечами и уткнулся в свою тарелку, не желая продолжать глупые пререкания с дочерью. Марина каждый раз требовала от отца справедливости. Это была ее коронная фраза, тогда как он знал, что речь идет всего лишь об очередной выходке, на которую ему предлагалось смотреть сквозь пальцы. Справедливость в его понимании была не в том, чтобы дать дочери свободу разрушать свою жизнь, а в том, чтобы вовремя указать ей на ее ошибки и в случае неповиновения решить вопрос волевым вмешательством. Вступать с ней в дискуссию о взаимоотношении отцов и детей, тем более, в присутствии посторонних, он не собирался.

– Вот видишь, мама! – взвилась дочь в ответ на его демонстративное молчание. – Разве я придумываю?

– Давайте-ка сменим тему, дорогие родственники, – примирительно сказал Левушка, добровольно взяв на себя роль рефери. – Соня, что у тебя нового? Как работа?

Соня с рассеянным видом накручивала на палец блестящий локон, будто общий разговор ее не касался.

– Прекрасно, спасибо, – сухо отмахнулась она, вспомнив обмен любезностями с Ильей.

– И это все, что ты нам расскажешь?

– Да, Соня, как это тебя угораздило? – повернулась к ней Марина. – Впрочем, думаю, эта блажь скоро выветрится. С твоим образованием на такой унижительной должности.

– Мое образование тут ни при чем. И унижительной работы не бывает.

– Бывает, бывает, – запротестовал Левушка, как будто вспомнил что-то, но продолжать не стал.

– Мне сделали одолжение, взяв на работу без опыта, – продолжила Соня, холодно пропустив его реплику.

– Если бы ты обратилась ко мне, сестренка, я без всякого опыта взял бы тебя к себе, – высказался самонадеянный наследник. – Мне очень нужны толковые помощники.

– Ко мне, если позволишь, – без интонации поправил сына Илья, не поднимая глаз от стола. – Обратилась бы ко мне в поисках работы.

– Конечно, к тебе, – без должного почтения уступил Левушка. – Нам никогда не забыть, папа, что компания твоя.

– И решение о найме моей сестры принимаю или не принимаю тоже я, – с легким нажимом продолжил Илья.

– Мы ведь говорим не о твоих привилегиях, а о Сониных перспективах, – попытался выкрутить из неожиданного поворота Левушка. – Ей нужно смотреть в будущее.

– Меня устраивает мое будущее, – повысила голос Соня, возмущившись, что ее обсуждают, как предмет обстановки. – И мне нравится моя работа.

– Неужели? – ехидно заметил Илья и уперся в нее испытующим взглядом. – Весь день на побегушках: подай, принеси, пошла вон.

– Ошибаешься, – сказала она, глядя в стену поверх его головы. – У меня работа не хуже, чем у всех.

– С каких это пор тебе нравится, как у всех?

– С недавних. – Она почувствовала, что разговор, прерванный в коридоре, готов вернуться к новому витку напряженности. – Но я не хочу продолжать в таком ключе.

– Илья, дети так редко собираются вместе. Неужели нет темы, которая была бы интересна всем?

Роза, как обычно, искала компромисс, волнуясь за детей, которым нередко доставалось от главы семейства. В присутствии Марининого воздыхателя, который только и успевал переводить взгляд с одного говорящего на другого, Илья был сдержан. Но Роза не сомневалась, что его накопленное раздражение в любой момент может принять форму ядерного гриба.

– Не я предлагал тему, – буркнул он. – Разговаривайте на здоровье, я не мешаю.

И с этими словами над присутствующими повисло гнетущее молчание. Внезапно в комнате громко зазвучала fuga, и все головы дружно повернулись к гостю.

– Марина?

– При чем здесь я?!

– Алло? – сказал гость и отвернулся от стола. – Да, конечно. Обязательно буду. Ну, ты же знаешь...

Его приглушенный баритон отодвинулся на задний план, и над столом возвысился голос Ильи.

– Неужели трудно было предупредить?

– Я просила выключить звук, но Витя ждал звонка, – огрызнулась дочь.

– Ты даешь, старушка! В чужой монастырь со своим уставом... – встрял с нотацией Левушка. – Тогда не удивляйся, что ему здесь не рады.

– Мой собственный телефон выключен, между прочим. Вот! – Она схватила со скатерти миниатюрный аппарат и, зажав его в руке, продемонстрировала темный дисплей присутствующим. – Все видели? Папа?

– Может, что-то важное, – встала на сторону незадачливого поклонника дочери Роза.

– Простите, я жду звонка, – извинился пропустивший дискуссию Виктор и положил аппарат справа от тарелки. – Я вам помешал?

– Это был еще не он, не самый важный звонок?

– Папа!

– Не уверен, что вас поставили в известность, но у нас за столом не принято вести телефонные переговоры, – сухо сказал Илья и выразительно посмотрел на дочь. – Есть время для бизнеса и время для семейного обеда.

– Время войне и время миру, – не удержалась Соня.

– Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме, – процитировал вслед за ней Левушка, блеснув кругозором.

– Вы еще помолитесь, черт бы вас драл! – возмутилась Марина. – Протестанты недоделанные.

– Перестань ругаться как базарная торговка!

На этот раз Роза сочла нужным осадить дочь.

– Марина мне сказала, – вклинился в перебранку Виктор. – Но это на самом деле очень важно.

– Важнее, чем моя дочь?

Илья смотрел на незваного гостя с той едва заметной ехидной ухмылкой, которая дорого обходилась и домочадцам, и подчиненным в офисе.

– Извините, я не понимаю...

– Ради бога, не надо, Илья! – первой почувствовала опасность Соня. – Не хотите ли еще вина, Виктор? Сегодня на столе прекрасное вино. Где ты берешь его, Роза?

– Помилуй, Соня, ты же не пьешь. Откуда тебе знать, какое вино? – в тон главе семьи сказала Марина, проворонившая возможность парировать отцовские нападки на своего поклонника.

– Не пью. – Соня виновато улыбнулась гостю, чувствуя на себе тяжелый взгляд Ильи. – Это мой большой недостаток.

– Очень редкий, – откликнулся мужчина, радуясь возможности поддержать нейтральную беседу. – Даже у женщин.

– И единственный у нее, между прочим, – как заправская сваха многозначительно поднял бровь Левушка. – Она у нас эталон.

– Да уж, – хмыкнула старшая сестра. – Остальные на ее фоне просто скопище пороков.

– Ты преувеличиваешь, – мягко возразил гость и снова повернулся к Соне. – Это жизненная философия?

Она неопределенно пожала плечами, вовсе не рассчитывая развивать тему крепких напитков и всего, что с ними связано.

– Я как-то пробовала вино и выпила больше, чем стоило.

– Когда это ты напилась? – заинтересовалась бесцеремонная Марина.

– Однажды. Это неважно, – вдруг смутилась Соня, перехватившая яростный взгляд брата.

– И что было дальше? – теперь уже не выдержал Левушка. – Тяжелое похмелье окончательно отравило тебя от поклонения веселому Бахусу?

Илья, не отрываясь, смотрел на сестру. Он видел, как шевелились ее губы, и вспоминал другие слова, сказанные на далеком острове. Зеленые ленты в растрепавшихся косах, золотой браслет на щиколотке, трудный подъем вверх, темноту итальянской ночи и несостоявшееся грехопадение. Ее обозленный голос, выкрикивающий обидное, несправедливое. Глухой стук занывшего сердца, запертую дверь...

– ... и поняла, что трезвая голова куда лучше, чем все итальянские вина, – донесся до него Сонин голос по другую сторону стола.

– Не повезло с любовником. – Марина была разочарована тем, что настоящего откровения не будет. – Был бы достойный мужик...

Илья сидел мрачнее тучи и теребил уголок крахмальной салфетки, но в разговор не вступал.

– Поверить не могу, Соня, – сказала вконец расстроенная Роза. – Как ты можешь так легкомысленно относиться к своему здоровью!

– Должна же я была хоть раз в жизни побыть легкомысленной, – попыталась отшутиться она, стараясь не смотреть на брата.

– Нет, вы только послушайте! Ты знал об этом?

– Откуда мне знать! – Илье пришлось выбраться из своего окопа и отвечать на неудобные вопросы. – Она же делает все, что захочет, не спрашивая меня.

Соня почувствовала, как захлебнулось сердце, вернувшееся на миг в душную сицилийскую ночь, и приняла вызов.

– А если бы я тебя спросила?

– Пьяная женщина – легкая добыча для мерзавца? – встрял развеселившийся Левушка. – Бросай пить, вставай на лыжи?

– Не лезь! – рывкнул неожиданно вышедший из себя хозяин дома, и сын обиженно замолчал и pokrutil головой, как соенок, ища сочувствия у окружающих.

– И все-таки? – не сдавалась Соня.

– Ты прекратишь издеваться, Софья?

Все участники обеда в недоумении следили за их перепалкой, даже не догадываясь о глубинной сути конфликта.

– Давай пойдем сначала, о чем речь! Начни ты.

– Все играешь? Как... – Он едва не проговорился об острове, но вовремя перестроил фразу. – Как дешевая актриска.

– Ты хотел сказать не актриска. Не стоит стесняться! – источая яд, сладко улыбнулась она, чтобы не разрыдаться на глазах у всех.

– Я знаю, что я хотел сказать, – сквозь зубы процедил глава семьи и, обернувшись к Розе, отчеканил: – Она может поступать, как ей заблагорассудится! Это не моя забота.

– А чья?

– Она замужем.

– Но ведь ей нельзя ни капли! Ты должен...

– Должен? – Он возвысил голос, и всем в комнате стало не по себе. – Не много ли я всем должен? А кто-то из вас что-нибудь должен мне?

– Илья, мы же говорим о Соне.

– Я нянька ей или сиделка? – взорвался он, выведенный из себя их единодушным непониманием.

– Разве я сторож брату своему?

Соня не позволила себе упустить подвернувшийся шанс, и все головы, как по команде, повернулись к ней. Оброненная цитата в контексте разговора обрела множество смыслов. Соня подобралась, почувствовав горящий взгляд брата, и на этот раз никто из присутствующих ее не поддержал. Несмотря на то, что все боялись хозяина дома, все же они его любили и не могли обвинить в неоправданной жестокости. Впрочем, и она не могла.

После неловкого молчания домочадцы и гость потихоньку вернулись к содержимому своих тарелок, и инцидент был замят. Ей простили грубую выходку все, кроме Ильи, который затаил обиду, хоть и опустил глаза раньше остальных.

– Сегодня все спятили? – на излете скандала поинтересовалась Марина, оставившая за собой последнее слово старшей дочери. – Далась вам Библия. Осталось только, чтобы Лев Ильич объявил, что собирается стать раввином.

– Спасибо, что напомнила. – Левушка взял инициативу в свои руки. – У меня есть важное сообщение.

– Для тебя или для семьи? – съехидничала сестра.

– Надеюсь, для всех. – Он обвел собравшихся сияющим взглядом. – Я женюсь.

– Еще один! – Илья отложил столовые приборы и откинулся на спинку стула, всем своим видом демонстрируя, что обед безнадежно испорчен. – Все никак не наиграешься?

– Мама, зачем он все время меня цепляет? – выкрикнула принявшая намек на свой счет Марина и вцепилась в запястье Виктора.

- Мариночка, почему ты решила... Разве речь о тебе?
- Он никому шагу не дает ступить! – истерично пожаловалась та. – Особенно мне.
- На сегодня еще не хватит пошлых сцен? – устало спросил глава семейства и подпер кулаками подбородок. – Какая-то массовая истерия.
- Это не в твой огород, а в мой, – снова подала голос Соня.
- Мне будет позволено в этом доме самому объяснять свои слова, или за меня это будут делать другие?
- Твоя задача, Лева, не выбирать подругу жизни, а оправдывать оказанное доверие, – не пожелала уgomониться Соня, чувствуя, как в ней с новой силой разгорается обида.
- Вы что, сговорились сегодня? – чуть не плача, возмутился Левушка. – Дайте мне продолжить! Я встретил девушку, с которой собираюсь связать свою жизнь. И меня не интересует чье-то мнение на эту тему, потому что это мне жить с ней. Ссориться, мириться, заводить детей.
- Уже и до детей дошло? – предположил мрачно настроенный Илья, метнув в Соню многозначительный взгляд. – Иначе, зачем тебе понадобилось собирать всех так поспешно.
- Я женюсь, потому что люблю ее.
- Давай-ка уточним. Ты ее любишь и хочешь на ней жениться, но не факт, что ты на ней женишься. До того, как объявлять об этом, как о решенном деле, не помешало бы привести ее ко мне.
- Обязательно, Лев Ильич, – поддакнула ехидная Марина. – На смотрины. Только будь уверен, что после такого обеда, она сбежит от тебя, не оглядываясь. С ней даже не придется проводить воспитательную беседу.
- При напоминании о беседе Соню передернуло. От Розы и Виктора не укрылось ее помрачневшее лицо и прищуренные глаза, пока остальные были заняты новой перепалкой.
- Да уж, сынок, – с вкрадчивой мягкостью сказал Илья. – Послушай сестру. Она знает, о чем говорит. Ее собственные поклонники каждый раз сбегают, как трусливые шакалы.
- Илья, я тебя прошу! – осторожно укорила его Роза. – Я ничего такого не помню.
- А ты выгораживай ее, старайся! И сыночка под свое крылышко прими с его беременной подружкой. Ты хоть знаешь, где он нашел свою спутницу жизни?
- Где?
- В моем офисе! Он не пропустил за два года ни одной юбки. Вы думали, он по ночам работает? Как же! Он раскладывает этих смазливых сучек прямо на столах! Я все не собрался проверить слухи. И вот вам, пожалуйста: барышня ждет ребенка и хочет свадьбы. Готовься стать бабушкой во второй раз.
- Это правда, Лева? Твоя подруга ждет ребенка?
- Разве это так важно, мама? С каких это пор вы не любите детей?
- С рождения Беллы, естественно. – Соня уронила с колен салфетку. – Спасибо за обед. Мне пора.
- Софья, обед не окончен! Сядь! – рявкнул Илья, и она, вздрогнув от грубого окрика, повиновалась.
- Перестаньте поддевать друг друга. – Роза почувствовала, что ее миротворческая миссия летит ко всем чертям. – Наш сын сообщил о намерении жениться. Это серьезный шаг, который требует участия всех нас.
- Мама, чтобы жениться, мне не требуется ни чье участие.
- Тогда тебе повезло, – усмехнулась Соня. – Надеюсь, ты сумеешь сохранить свою независимость.
- Роза права, – словно не услышав только что прозвучавшие реплики, заключил Илья. – Мы поговорим об этом после обеда в моем кабинете. Без посторонних.
- Это не семья, а казарма! – возмутилась было Марина, но под суровым взглядом отца быстро прикусила язык.

– Собираешься ли ты летом везти Беллу к морю?

Роза, как могла, старалась вернуться в русло непринужденного разговора, натываясь то и дело на выставленные со всех сторон копыя.

– Да, она поедет на виллу с няней.

– А ты сама?

– А я присоединюсь к ним на пару недель в августе.

– Всего две недели! Когда ты успеешь пообщаться с ребенком?

– Так положено, ты знаешь, – вздохнула она. – Меня не отпустят на больший срок.

– В этом недостаток работы «на дядю», – сквозь зубы бросил Илья.

– Ничего, я переживу, – не взглянув в его сторону, парировала Соня.

– Как же ты будешь без нее? – снова заговорила о малышке Роза. – Одна в пустой квартире.

– Не в пустой. Она ведь замужем, – напомнил Илья и с наигранным удивлением поднял бровь. – Кстати, а где Николай?

– Он вернулся с дежурства, – со всей искренностью, на которую была способна, соврала она. – Ему надо выспаться.

– Бедняжка, он так много работает!

Сочувствие Розы Соня пропустила незамеченным и повернулась к брату, пытаясь сгладить свои предыдущие выпады.

– Кстати, я хотела спросить тебя, можно ли я отправлю к морю и Никиту?

– Дом твой, делай, что хочешь, – буркнул он. – Подожди, а я знаю, кто такой Никита?

– Настин сын. Он хорошо ладит с Беллой.

– Хорошо ладит... Настя тоже собирается ехать?

– У нее что ни день, то аврал. Она, возможно, в июле вырвалась бы на пару недель. Ей тоже нужно отдыхать.

– О ней ты печешься больше, чем об остальных, – проворчал он.

– Она нуждается в моей поддержке, тогда как остальные прекрасно обходятся без меня.

– Иллюзия. Еще одна иллюзия.

Они посмотрели через стол друг другу в глаза, и Соне до дрожи захотелось снова стать маленькой девочкой, ждущей его с работы.

– Похоже, папа боится, – как бы между прочим заметила Марина, – что мы гуляем на слишком длинных поводках и не успеем вовремя подбежать, когда прозвучит команда «к ноге!».

– Тебе бы следовало подарить строгий ошейник, – сказал отец, отводя глаза от оцепеневшей Сони.

– Ага, с электрошоком! – встрял Левушка, не простивший родным испорченного обеда. – Нам всем он бы не помешал. И курс послушания со строгим инструктором. А потом уже будем улучшать генофонд под строгим надзором. Папа-заводчик и элитные отпрыски.

– Лева, не надо. – Соня с укором поглядела на обычно лояльного Левушку и почти физически ощутила, как снова завелся Илья. – Хватит на сегодня склок. Давайте поговорим о чем-нибудь приятном.

– Похоже, у нас в семье не у всех совпадают понятия приятного и отвратительного, – вздохнул Левушка.

– А когда ты познакомишь нас с невестой? – спросила Марина.

– Мы договорились обсудить это позже, – напомнил Левушка и искоса взглянул на Илью.

– Может, приедете вместе ко мне на обед? – не сдавалась Марина, тоже покосившись на молчащего отца. – И Соня с Николаем.

– Прекрасная мысль. Спасибо, сестренка.

– Боюсь, что я без Николая. Если, конечно, регламент вечера позволяет.

- Не проблема, можешь без него. Да, я прослушала. А что с ним?
- Он много работает, – терпеливо повторила Соня. – Приходит домой уставшим.
- Не он один работает. Впрочем, я забыла, что он у тебя уже старый.
- О чем ты только думала, когда замуж выходила, – участливо вздохнул Левушка.
- Наверное, он отменный любовник, если она все еще не сбежала от него.

Марина внимательно осмотрела Соню, словно рассчитывала найти в ней подтверждение своей догадке.

- Это уже ни в какие рамки! – вспыхнула Соня.
- Да-да, – поддержала ее Роза. – Это их личное дело.

Марина улыбалась, пока отец тщательно изучал содержимое своей тарелки, словно разговор его не касался вовсе.

- Это дело семьи, мама. Да брось, Соня, мы же не ханжи. Правда, папа?
- Уж ты-то точно! – хмуро согласился Илья, даже не взглянув на дочь.
- Так что, Соня, вы уже перешли на раз в месяц?
- Тебя это не касается!

– Смотрите-ка, не возразила и не похвасталась. – Марина обвела присутствующих победным взглядом. – Значит, и ты подтверждаешь статистику?

- Мы все в той или иной мере подтверждаем статистику.

Держаться в рамках корректных ответов для Сони становилось все тяжелее. К тому же, по выражению лица брата было очевидно, какие мысли бродят в его голове.

– Статистика в этом вопросе неуместна, – объявил Левушка, своеобразно поддержав Соню. – Но если бы я был на месте твоего мужа...

– Где? – изумилась Марина, и все присутствующие взглянули на залившегося краской Льва Ильича.

– А то вы не знали, что я много лет был влюблен в нее, – забормотал он, смущенный пристальным вниманием.

- Что за ребяческая выходка, Лева! – недовольно скривилась Роза.
- Почему же, пусть расскажет. Это даже забавно.

Глава семьи отложил вилку, скрестил руки на груди и с нарочитым вниманием приготовился выслушать откровения сына. Марина, почуявшая очередной скандал, с вызовом посмотрела на Соню.

- Не про мужа, так про инцест!

Соня не смела осадить Марину в присутствии хозяина дома, а он, как назло, молчал. И под гнетом его молчаливого осуждения она чувствовала себя коварной соблазнительницей, явившейся разжечь костер соперничества между отцом и сыном.

– Да вы все посмотрите на Соню, посмотрите! Какой мужчина не хотел бы быть с ней? – О чем подумали женщины, Соня не знала, но в глазах мужчин она прочла согласие с этим неуместным заявлением Левушки. – Она хороша собой, умна, блестяще образована. У нее мягкий характер и здоровое чувство юмора. Она в состоянии постоять за себя и при этом готова стать поддержкой своему спутнику. Что еще надо для полного счастья? Я не знаю никого, кто бы отозвался о ней плохо. Подростком я часто думал, как было бы здорово, если бы мы не были близкими родственниками. Будь между нами еще хотя бы одна ступень родства, я бы рискнул просить ее руки.

- Лева! Что ты несешь! – вскрикнула Соня и залилась краской.

– А что такого? Маринка со своим извращенным воображением представляет, как мы с тобой в доктора играли. Ничего предосудительного, сестрица. Я был тайно влюблен в нее. А она была влюблена в свои книжки.

– Какие глупости, Лева! Марина тебя провоцирует. Ей нравится ставить эксперименты на людях.

– Да и пусть! Она столько раз поддевала меня, что я хожу за тобой хвостом. Только не говори, что ты этого не видела. Ведь женщины всегда чувствуют.

– Я ничего не чувствовала, я была просто ребенком. – Оправдываясь, она боялась поднять глаза на членов семьи, как будто ее уличили в тайном разврате. – Мы просто дружили, да.

– А я столько лет надеялся на взаимность! – притворно возмутился он. – Ревновал тебя к книгам и к папе.

– Ого, вечер перестает быть томным, – тут же встряла Марина, и Илья метнул в нее разъяренный взгляд.

– Только Соне разрешалось сидеть в его кабинете с утра до вечера с книжкой. И ее папа баловал больше всех.

– Так ты определись, кого к кому ты ревновал, – поддела его Марина. – Что было важнее: юная дева или папино расположение?

– Зато теперь ты бываешь чаще в его кабинете, чем я, – вымученно улыбнулась Соня, ухватившись за возможность изменить направление беседы.

– И, к сожалению, не всегда это приносит радость, – с ностальгической грустью в голосе вздохнул Левушка, словно отца не было за столом. – Чаще меня вызывают на ковер.

– Надо отдать тебе должное, в последние месяцы все реже, – наконец подал голос хозяин дома.

– Спасибо, папа! – Левушка постарался придать своему тону теплых интонаций, готовясь к разговору после обеда. – Я учусь у тебя.

– И на кой мне твое «спасибо»? – Илья недовольно дернул плечом, отмечая изъявления благодарности. – Я же, по вашей версии, тиран и деспот. Сволочь последняя.

Никто не посмел принять этот вызов. Илья обвел присутствующих тяжелым взглядом, и все члены семьи, один за другим, покорно опустили глаза. Гость не удостоился даже взгляда.

Обед завершился в напряженной тишине. Каждый опасался услышать в свой адрес колкость и не сдержать ответной колкости. Илья поднялся первым, уронил с колен салфетку, но не нагнулся за ней, а просто посмотрел вниз так, словно возле ножки стула разверзлась пропасть, отделив его и от стола, и от салфетки, и от сидящих за столом людей.

– Спасибо за обед, родственники. – Четверо восприняли эти слова, как издевку, но Роза потянулась к нему извиняющейся улыбкой. – У тебя прекрасный повар, дорогая.

И хозяин, как король, покидающий наскучивший рыцарский турнир, степенно вышел, оставив им поле для игр.

– Наконец-то можно вздохнуть, – первой опомнилась Марина. – Я даже вкуса еды не чувствовала, пока он сидел напротив.

– Еда была отличная, – неловко попытался сгладить ее резкость Виктор.

– Сегодня какие-нибудь магнитные бури в атмосфере? – Левушка обратился к матери, словно выпрашивал неблагоприятный прогноз. – Все как с цепи сорвались.

– Это я виновата, – созналась Соня. – Я невольно завела его еще до обеда.

– Хватит изображать мученицу! – неожиданно взъярилась Марина и швырнула на скатерть десертную вилку. – Почему ты всегда пытаешься брать вину на себя? Уж не лишай нас возможности тоже раскаяться и приобщиться к сонму святых!

– О чем ты?

– А разве к истинной святости мы придем не через искупление грехов? – Соня дернула головой, словно получила пощечину. – Знакомые слова? Да, я на прошлой неделе имела счастье пообщаться с твоим мужем. У него то ли крыша едет, то ли вы там вообще непонятно чем заняты. Думаешь, я поверила, что он так изводит себя работой?

– Ты ждешь, что я стану оправдываться?

Соня заняла оборонительную позицию, но Марина была уверена в своей правоте на все сто и шла вперед, подобно отцу, сметая преграды на своем пути.

– Ты стыдишься его, не так ли? Потому и мое приглашение приняла в одиночку. Эта роль тебе не к лицу, Соня. Вся эта бледность, худоба, темные круги под глазами, приглушенные печальной иронией чувства...

– Я всего лишь сказала, что была резка с Ильей перед обедом.

– По-твоему, он злится и расстраивается только из-за тебя? Ты – центральная фигура на шахматной доске?

Соня не ответила, словно окаменела. Она была всего лишь маленькой испуганной пешкой, готовой отдать жизнь за своего гордого, но такого уязвимого короля.

– Девочки, вам-то что делить? – Сидящий между ними Левушка распахнул руки, как рефери, разводящий боксеров. – Лучше помолитесь за меня. Мне сейчас влетит по первое число. Мама, он вымачивает розги в солевом растворе?

– Отец переживает за тебя, – вздохнула Роза. – Ты бы повременил с женитьбой. Время сейчас не очень подходящее.

– Для отца неподходящее? Ну, так мы с ним по биоритмам в принципе не совпадаем. Что мне блаженство, ему – лютая смерть.

– Не смей говорить таких гадостей об отце! – возмутилась она.

– Да, Левушка, это уже перебор, – огорчилась за главу семьи Соня. – Осторожнее со словами.

– Простите, я не в себе. Наверное, мне стоило сбежать и тайно обвенчаться с предметом своей страсти. Потом повалились бы в ноги суровому батюшке, выпросили бы родительское благословение.

– Когда придет мое время, я так и поступлю, – словно забыв о существовании Виктора, отчеканила Марина. – И за благословением не приду. Пусть он добивается моего расположения, а не наоборот.

– Так нельзя, Марина, – укорила ее мать. – Он мужчина. Разве можно ждать от него компромиссов?

Оба мужчины в комнате посмотрели на нее с одинаковым неодобрением, но не решились вступить в спор, возможно, по единственной причине: она была гораздо старше и знала о мужчинах что-то свое. Или думала, что знает.

– Вспомни деда, – неохотно попросила Соня. – Он так и не пришел мириться.

– На твоём месте я бы не поднимала эту тему. Мы все знаем, почему он не пришел, – огрызнулась Марина.

– Спасибо, я помню свою роль в истории семьи.

– Соня, никто тебя не винит. Марина хотела сказать не это.

Роза бросила на старшую дочь возмущенный взгляд.

– Жаль, что мы перестали понимать друг друга, – внешне спокойно продолжила Соня, но по ее тону было слышно, что ей наскучила роль семейного психолога. – Не думаю, что нам есть смысл встречаться в ближайшее время.

– Хочешь сказать, что ты смертельно обижена? – с неохотой спросила Марина, когда поняла, что перегнула палку.

– Хочу сказать, что не следует меня ждать на следующей неделе.

В ответ Марина пожала плечами.

– Глупо! Я не то имела в виду. Просто папа... Да, ладно! Я была не права. Извини. – Но Соня поднялась со своего места, избегая встречаться глазами с присутствующими. – Так ничего и не скажешь?

– Все уже сказано. Спасибо за обед, Роза.

Соня через силу улыбнулась хозяйке дома, ободряюще кивнула бледному в ожидании неприятного разговора Левушке, доброжелательно посмотрела на Виктора. Марина с обидой хмыкнула, но унижаться не стала.

– А мне пора на экзекуцию... – цепляясь за сочувствие собеседников, снова заскулил Левушка.

– Сначала перекурим. Для храбрости, – предложила Марина, нуждающаяся в поддержке не меньше брата, но стыдящаяся это показать.

– Соня, ты уже уходишь? – спросил Левушка.

– Пока нет. Иди, кури. Я зайду в кабинет на несколько минут. Хочу извиниться.

– Ты права, девочка, – одобрила ее Роза, понявшая тщетность любых попыток уговорить детей. – Он будет рад.

– Как же, оценит он! Подлиза, – по-детски прошептала Марина, прижав подбородок к груди и исподлобья глядя на выходящую Соню.

– Ну, ты и стерва, сестрица! – Левушка ткнул ее локтем под ребра. – Думаешь, у нее своих проблем мало? Нашла к кому прицепиться.

– Нечего мне нотации читать. Заведешь своих детей и воспитывай их, сколько влезет. Так вы идете курить, или я одна?

– Перед смертью не накуришься, – вздохнул Левушка.

Виктор, в сторону которого Марина перестала смотреть с конца обеда, поднялся и взялся за спинку ее стула.

– Прости, дорогой. – Она милостиво кивнула и подала ему руку. – Я не хотела тебя подставлять, но ты же видишь, в каком серпентарии я живу.

Соня не потрудилась постучать. Просто толкнула дверь и оказалась на пороге знакомого кабинета. Илья курил в приоткрытое окно и не повернулся в надежде, что гость уйдет. Она решительно пересекла комнату и легко забарабанила ногтями по сияющей крышке стола, но не смогла привлечь внимание брата, сосредоточенного на привычном пейзаже за окном. Не дождавшись приглашения, Соня опустилась в хозяйское кресло, и оно едва заметно скрипнуло и повернулось на четверть оборота к окну.

– От тебя я этого не ожидал, – сказал он и поднес руку с сигаретой к лицу.

– Я сама от себя не ожидала.

– Кто угодно... Я уже привык. – Его глухой голос частично терялся в звуках с улицы, и Соне приходилось прислушиваться. – Роза всегда на их стороне, даже если говорит обратное. Сплошное лицемерие. Но ты...

– Я такая же, как все, – вздохнула она.

– Ты была другая.

– Ты ошибся во мне.

Он крутанул в пепельнице тлеющий окурок и обернулся. Она смотрела в пол у своих ног и водила ладонью над инкрустированной поверхностью стола, как будто от узора шел жар, и она опасалась обжечься. Почувствовав его взгляд, она остановила руку и медленно подняла глаза. Сначала в поле ее зрения попал подлокотник кресла, потом – расстегнутый пиджак со сбившимся галстуком и в последнюю очередь – твердо сжатые губы над гладко выбритым тяжелым подбородком. Посмотреть выше она не решилась.

Он сделал шаг к столу. Она медленно поднялась с незаконно занятого места. Расстояние сократилось куда больше, чем она рассчитывала, и отступить было некуда, если только упасть обратно в кресло. Она качнулась назад, предчувствуя, что эта единственная возможность избежать неотвратимого, но он тоже понял, что она ускользает, и остановил ее бегство. Ее напрягшиеся плечи под его руками опали. Твердые пальцы медленно подползали к ее шее, на ходу решая, взять ли на себя роль палача или погладить и ободрить. Но, не приняв окончательного решения, замерли у выреза платья.

– Соня?

Она все еще не смела заглянуть ему в глаза. Илья смотрел сверху вниз, и она почти физически чувствовала его вопрошающий взгляд.

– Прости меня, я виновата, – прошептала она. – Я не должна была...

Она заторопилась объяснить, чего ей не стоило делать сегодня за обедом, попыталась защититься стеной извиняющихся слов, увести разговор в область непредумышленного преступления и условного наказания.

– То есть тот вечер в горах был твоей ошибкой. Все случилось, потому что я напоил тебя?

Его пальцы дрогнули и угрожающе преодолели шелковый край выреза, но вовремя остановились, задумчиво погладили одну ключицу, потом другую.

– Не надо, не вспоминай.

Соня запаниковала, переступила с ноги на ногу, словно нащупывая путь к бегству, и отчаялась, когда наткнулась носком туфли на его ботинок. Места для маневра не осталось.

– Тебе не повезло со спутником? И мой приезд был ошибкой? И когда я...

– Когда ты? – перебила его она, возводя новую стену взамен только что рухнувшей. – Это я оказалась безответственной девчонкой, которая не хотела думать о последствиях. Мне очень жаль, что тогда мой эгоизм...

Она перестала следить за собственной мыслью и выстраивать фразы, складывая слова по кирпичику. Она набрасывала их бесформенной грудой, как возводят хлипкую баррикаду неумелые рабы. Только бы не замолчать, не позволить себе лишнего. Не позволить ему...

– Мы говорим о разных вещах, – прервал ее Илья голосом раздраженного экзаменатора, вписывающего «неуд» в зачетку лодыря.

«Если сейчас кто-нибудь войдет... Господи, пусть кто-нибудь войдет!» Еще одного экзамена на целомудрие она не выдержит.

– Ты просил меня забыть.

– И ты, конечно, забыла?

– Нет.

Темно-синий галстук придвинулся ближе, потерял светлые вкрапления и расплылся. Терпеливые руки гладили ее шею, ласкали подбородок. Мужчина вынудил ее поднять голову, произнести это «нет» еще раз глазами, губами. Одна его ладонь скользнула по ее спине, словно приглашая на танец. Сонины глаза метнулись вниз, надеясь остановить его руку, и снова вернулись к его лицу, моля о пощаде. Он покачал головой, отказав ей в этой просьбе, и на нее накатила волна знакомого запаха. Его пальцы неторопливо прошли по ее нижней губе. Она до последнего не хотела закрыть глаза, но, наконец, сдалась. Он убрал руку и поцеловал ее, но через несколько секунд отпустил, почти оттолкнул, чтобы, ничего не поясняя, потребовать немедленного решения.

– Когда?

– Вечером, – не задумываясь, прошептала взволнованная Соня. – В девять.

– Где?

– На углу Большой Никитской и Никитского бульвара.

– Почему там?

Она смогла его удивить, разбавила торопливый диалог тягучей паузой.

– Не знаю. Там хорошее место. Я люблю...

Он, не дав ей договорить, снова стиснул ее в объятиях, теперь увереннее, сильнее, исполненный надежды и вожделения. Но на этот раз она первая прервала поцелуй, заторопилась домой.

– Ты не обманешь меня? – спросил он, наблюдая, как она вытирает бумажным платком губы с размазанной помадой, чтобы не быть случайно разоблаченной.

– Я и раньше не обманывала. Я боялась.

– А теперь что изменилось? – усомнился в ее искренности Илья.

– Все изменилось, – уклонилась от ответа она.

– Ты хочешь, чтобы я, как мальчишка, удовольствовался этой неопределенностью?

– Не будет никакой неопределенности, – пообещала Соня.

– Тогда, может, останешься на чай?

Илья, до конца не поверивший словам, пытался удержать ее при себе, проследить ее путь из этого кабинета до самого перекрестка Никитской и бульвара. Она отказалась и сразу заговорила о другом, вернув его к почти утратившему оттенок обиды и горечи семейному обеду.

– Ты ждешь Левушку?

– Да, нам надо обсудить ситуацию.

– Позволь ему самому решить.

– Что? – Илья изумился, как быстро женщина сменила бессловесную роль робкой наложницы на уверенное амплу повелевающей госпожи. – Это еще почему?

– Посмотри на меня. – Он воззрился на нее, как будто искал в ее фигуре объяснение этой перемене, но она пояснила: – На мою жизнь. Не заставляй его совершать ошибку. Пусть он выберет сам, пусть мучается, страдает, любит, ругается. Пусть ошибется, если на то воля свыше, но, по крайней мере, не возненавидит тебя. А ты не потеряешь доверие единственного сына.

Илья не хотел раньше времени думать о предстоящем разговоре, потому что думал о женщине, которая будет ждать его в машине вечером. И спросил о ней.

– Ты ненавидишь меня, Соня?

– Иногда хотела бы. – Она ответила так быстро, что это не могло быть игрой. – Но ничего не выходит. А еще говорят, что от любви до ненависти один шаг, но именно он мне никогда не удается.

– Порой я уверен, что тебе удалось.

– Это знаковая система. У тебя она одна, у меня другая.

– Что это?

Он наморщил лоб, пытаясь уследить за ее образами.

– Кошка и собака. Одна машет хвостом, приглашая поиграть, другая очерчивается в ожидании нападения.

– Ясно. Значит, все твои слова...

Все было куда сложнее, но объяснить ему это не представлялось возможным в силу тех же разных знаковых систем. Осталось только напустить тумана, что она и сделала.

– Иногда были правдой, иногда – реакцией на непонимание. Любовь бывает не менее жестокой, чем ненависть. И ты, настаивая на подчинении, бываешь очень суров. – Она гнула свою линию, вернувшись к разговору о Левушке. – Покажи ему, что ты его любишь и готов доверять, и он постарается оправдать твое доверие, поверь мне.

– Зачем тебе роль миротворца, Соня? – Илья все еще не был уверен, что она на самом деле повзрослела. – Разве мало у тебя своих проблем? Оставь эти мне.

– Затем, что я хочу сегодня увидеть тебя счастливым. – Она пожала плечами, извиняясь за столь утилитарный подход. – У меня своя выгода. А если ты не отпустишь его...

– Довольно. Я понял.

Он твердо решил не говорить с ней о делах.

– Я знаю, ты будешь мудрым. Кто-то должен первым простить обиды и уступить. Он слишком молод для компромиссов. Прощу тебя, милый.

Она вернулась к нему с середины комнаты, приподнялась на цыпочки, прикоснулась к щеке легким родственным поцелуем и исчезла за дверью, оставив его в предвкушении вечера.

Марина сидела на перилах открытой веранды, выходящей из гостиной во внутренний двор, пока Роза хвасталась перед гостем оранжереей, и смотрела на французский парк, разбитый под чутким руководством модного ландшафтного дизайнера.

– Марина, – окликнула сестру Соня, подойдя близко.

Та вздрогнула, скользнула по Соне прохладным взглядом и снова уставилась на стриженные кусты.

– Прости меня, я вела себя глупо.

– Да ладно, забыли уже, – отмахнулась Марина, уставшая от конфликтов этого дня.

– Если ты не против, я бы хотела прийти.

Соня заключила ее в объятия, предотвратив очередную язвительную реплику. Марина, оторопев от проявления нежности со стороны обычно отстраненной Сони, нерешительно сомкнула руки у нее за спиной. Соня взволнованно дышала ей в висок, и она явственно ощутила запах отцовского одеколона, смешавшегося с диоровским ароматом.

– Примирение на высшем уровне все-таки состоялось? – подозрительно сощурилась она, когда Соня чуть отодвинулась, давая понять, что объятия пора завершать.

– Я попросила прощения.

– Ты ни в чем не провинилась. Он все время давит, вынуждая тебя защищаться.

– Но сегодня я защищалась слишком грубо и использовала недозволенный прием.

После разговора с Ильей ее не мучили угрызения совести, но посвящать его дочь в подробности она не могла.

– Разве в этой игре есть правила?

– Не знаю, может быть.

– Вот и я не знаю. А догадайся почему? – Соня пожала плечами, и Марина выдала ей свое нехитрое открытие: – Да потому что нам не преподавали правил. Может, их и нет вовсе. Нас с детства учили беспрекословно подчиняться и идти за отцом, потому что он знает дорогу. Ты – идеальный ученик, лучший последователь, Лева всегда пытается усидеть на двух стульях, а я...

– Тебя подчиняться он так и не научил, – грустно улыбнулась Соня. – Ты постоянно борешься с ним, идешь по бездорожью.

– Это мой способ выжить.

– Ты не хочешь видеть, как вы с ним похожи.

– Брось, это вы с ним похожи. А я сорная трава на газоне.

– Нет, Маришка. Я бы и хотела быть такой, как он, только мне не дано. А ты хоть и упорствуешь в своем противоборстве, а все равно по всем статьям его дочка.

Это замечание одновременно и разозлило Марину и польстило ей. В ответ она воспользовалась любимым отцовским вопросом с той же самой язвительной интонацией.

– Неужели?

– Однажды ты увидишь, что вы с ним по-настоящему близкие люди, – с легкой завистью сказала Соня.

– Вот только бы это случилось попозже. Во всяком случае, я не хочу быть похожей на него.

– Главное, чтобы не слишком поздно.

– Я не собираюсь ломать себя ему в угоду, – фыркнула Марина. – Но ты... Посмотри, куда ты загнала себя в этом твоём идеальном подчинении! Разве о такой жизни ты мечтала, когда пересказывала мне любовные истории из книг?

– Я уже давно приняла разницу между книгами и реальностью.

– Хочешь сказать, что стала мрачной реалисткой? Это тоже на его совести. Он заставил тебя воплощать его представления о жизни.

– Ерунда, у меня был выбор, – поморщилась Соня.

– Твой выбор все эти годы – это его воля. А если ты не отдаешь себе в этом отчет, тем хуже. Взять, к примеру, твоего мужа...

– Ох, не надо снова о семейной жизни! – воскликнула Соня. – Дай мне отдохнуть от этих мыслей.

– Все так плохо?

Марина окинула сестру подозрительным взглядом, надеясь услышать в ответ чистосердечное признание, но она явно недооценила Соню с ее умением промолчать о своих истинных чувствах.

– Могло бы быть лучше.

– Откуда взяться хорошему? – возмутилась сестра. – Ты сунула голову в петлю и надеешься, что висеть может быть удобно. Есть разные способы решить проблему.

– Но нет универсального рецепта.

– Кроме развода – ни одного. Но ты, похоже, не хочешь ничего кардинально менять. Или боишься, что скажет папа? – язвительный тон возвращал их к началу обеда, но Соня не поддавалась на провокацию.

– Я и так знаю, что он скажет.

– О, да, уж он выскажется! – Марина была уверена, что знает, о чем думает отец, но вдруг загорелась новой мыслью: – Слушай, у меня идея! Есть прекрасный молодой человек, как будто специально созданный для тебя.

– Ты с ума сошла! Мне никто не нужен.

– Лучший способ избавиться от депрессии – начать с кем-то встречаться. Если не для секса, то хотя бы для души. Впрочем, почему надо себе и в сексе отказывать?

– Я не могу, Мариша. Это не для меня.

– Именно для тебя. Представь, что есть человек, который сможет помочь тебе забыть о проблемах. Тебе нужно где-то выпускать пар, иначе заработаешь депрессию, нервный срыв или еще какую-нибудь гадость. Он давно просит познакомить его с хорошей молодой женщиной. Как я раньше не подумала!

– Но почему ты решила, что я ему понравлюсь?

– Да нет ни одного мужика, которому ты бы не понравилась! – безапелляционно заявила она. – Не знаю, что ты о себе думаешь, но у тебя при всех достоинствах есть кое-что, что может затмить любых красавиц.

Она многозначительно замолчала и принялась разглядывать Соню, словно та была выставлена на аукцион на невольничьем рынке. Иногда таким взглядом смотрел на нее Илья.

– Ну, не томи! О чем речь? – занервничала Соня.

– Ты у нас умная и хитрая. Откуда в тебе это, я понятия не имею. Ты умеешь молчать и слушать, а мужчины это страсть как любят.

– Насчет ума я бы поспорила, – вяло воспротивилась польщенная Соня. – А вдруг мне просто нечего сказать?

– Ты хочешь и со мной пококетничать? – усмехнулась Марина. – Я знаю, о чем говорю. Давай соглашайся. Я вас познакомлю хоть сегодня.

– Нет-нет, что ты! – испугалась ее решимости Соня. – Это не мое.

– У тебя другое высокое предназначение?

– Возможно, – усмехнулась неверная жена, вспомнив о предстоящей встрече вечером на бульваре.

– Помнишь, как ты в еще школе мне сказала, что хочешь учиться, чтобы служить красоте, справедливости и истине.

– Я такое сказала? – Она на миг задумалась. – Это слишком высоко для меня, прямо кредо французской революции. А Бастилию я брать не собиралась?

– Ладно тебе, не прибедняйся. Думаю, в своем любимом Древнем Риме ты была бы жрицей в храме.

– Ничего себе комплимент! – рассмеялась Соня. – Да они же в большинстве культов целыми днями предавались разврату!

– Да? Надо же, ничего не помню из истории! Это ты у нас «ученый муж», а у меня ничего, кроме цифр на банкнотах, в голове надолго не задерживается. Но тебе бы точно не помешало предаться этому самому разврату. Мой протеже тебе поможет.

– Он что, мужчина по вызову?

– Ну ты придумала! Он пару лет назад потерял жену, ударился во все тяжкие, но так и не смог задержаться ни с одной юбкой. Денег у него с избытком, но ему, видишь ли, требуются душевные отношения, а ты это умеешь.

– Я не хочу соревноваться с его покойной женой. Она всегда будет лучше.

– Тем, что умерла? – хохотнула циничная Марина, и Соня обрадовалась, что воспитательный процесс закончился на такой оптимистической ноте. – Так что ты будешь делать? – отсмеявшись, спросила Марина, заметив в окно приближающихся Виктора и Розу.

– Вернусь домой.

– Это понятно. А со своей жизнью?

– Может, еще не пришло время что-то менять?

– Соня, не трать понапрасну годы. Все равно ты придешь к пониманию, что придуманную другим человеком жизнь прожить не сможешь. Придумай ее себе сама.

– И она пойдет так, как я захочу? – усомнилась Соня.

– Безусловно!

– Не думала, что ты у нас идеалистка. – Она снова шагнула вперед и обняла Марину. – Еще почище меня. Спасибо тебе, Мариша. Я тебе очень благодарна.

– Да за что?

Марина прижалась к ней щекой. Остался только диоровский запах жасмина, отцовский одеколон выветрился, а вместе с ним и острота обиды. В этот момент дверь в гостиную открылась, и обе девушки поспешно отодвинулись друг от друга.

– Вы уже уходите? – вежливо поинтересовался Виктор, когда Соня направилась к двери.

Она протянула ему на прощанье руку, потом поцеловала Розу, еще раз поблагодарив за прекрасный обед и пообещав заехать на следующей неделе, махнула от двери Марине.

Окна хозяйского кабинета выходили на другую сторону дома, и она представила, как отец и сын с трудом продираются сквозь принципы и упрямство, чтобы заключить, наконец, перемирие. Но мысли ее тут же сбились на вечернюю встречу на бульваре, и заторопились в гардеробную. «Что надеть?» Потом они снова вернулись к поцелую в кабинете, к разговору за столом, к выпускному вечеру много лет назад.

– Стоп! – вслух сказала она себе, задержавшись перед автоматическими воротами и кивнув в стекло охраннику. – Еще раз сначала: что же надеть?

Глава 3. Первая ночь

Машины подкатили к перекрестку бок о бок и остановились у полустертой черты, и одинаковая мелодия из двух приемников наполнила пространство между ними. Соня помахала рукой приветливому водителю. Загорелся зеленый, и они стартовали колесо в колесо, пересекли площадь, притормозили у тротуара, пропуская друг друга к месту парковки. Сзади яростно загудели. Соня проехала вперед и заглушила двигатель. Через минуту Илья открыл водительскую дверь и вместо приветствия указал вглубь салона.

– Двигайся. Я поведу.

– Почему это ты? – надула щеки Соня, но послушно перебросила ноги через рычаг селектора, скользнула в пассажирское кресло и одернула задрвшую юбку.

Илья с недоверием проследил за ее ловким движением, которое казалось подозрительно привычным, и сел за руль.

– Что ты сказала дома?

– А ты?

– Соня!

Илья настаивал на ответе, а она позволила себе несколько секунд поупрямиться, но быстро сдалась.

– Я сказала, что еду к Насте и могу задержаться.

– А что ты сказала Насте?

– Что встречаюсь с коллегами, а Николаю это не нравится. Поэтому, если он вдруг спросит...

– В общем, обманула всех, – жестко подвел итог Илья.

– Кроме тебя, – парировала она и вспыхнула улыбкой, сводившей весь диалог к шутке. – Куда мы едем? В отель?

– Нет, в квартиру.

– К тебе?

У него была квартира в городе, огромная, шириной в целый этаж и высотой в два, шикарная и на Сонин вкус не слишком жилая. Там раз в неделю ночевала Роза после встречи с подружками, и изредка он сам оставался неподалеку от офиса перед утренними переговорами. Не может быть, чтобы он вез ее в этот дом. Илья свернул на Садовое, и она поняла, что не ошиблась. Похоже, у него на уме было другое тайное гнездышко, о котором Соня ничего не знала.

– Я недавно купил еще одну.

– Зачем? – удивилась Соня.

– Считаю это вложением капитала.

– Ясно. Для женщины?

Он нахмурился и кинул на нее неодобрительный взгляд.

– Для себя.

– Ну, конечно! – В ее голосе явственно звучало недоверие. – У тебя кто-то есть, я знаю.

– У меня всегда кто-то есть. Я так живу.

Илья вскользь посмотрел на Соню и встретил в ответ ее погрустневший взгляд, мерцающий в свете проносящихся мимо огней. Она поджала губы, удерживаясь от обидного комментария, и принялась со скучающим видом искать другую радиостанцию. Теперь придется приложить немало усилий, чтобы разубедить ее. И почему женщины так хотят расставить точки, где не следует?

– Глупо ревновать меня, Соня. Между тобой и другими целая пропасть.

– Каждая из них свободна любить тебя? – не удержалась от сарказма Соня. – Я правильно улавливаю разницу?

– Они хотят моих денег и возможностей, купленных за деньги. С ними все ясно с самого начала. А относительно тебя, я, видимо, заблуждаюсь.

Он говорил холодно и сухо. Соня с преувеличенным интересом рассматривала мелькающие неоновые вывески. Илья расслабился и закурил, привыкнув управляться с ее машиной.

– А где квартира?

Слева высилась и подмигивала огнями громада сталинской высотки.

– На Малой Бронной, рядом с Патриаршими, – сказал он и снова искоса взглянул на сестру.

Она вздохнула, и он наклонился и поцеловал ее, на этот раз в знак примирения. Сзади снова засигналили, рывкнула милицейская «крякалка», требуя освободить дорогу.

– Не возьму тебя в водители, – засмеялась Соня, когда он обернулся, пытаясь разглядеть нетерпеливого нахала. – Ты не следишь за знаками и слишком близко подъезжаешь к другим машинам.

– Какого черта им всем нужно! Как ты вообще едешь по Москве?

– Стараюсь не трепать себе нервы. Особо агрессивных пропускаю.

– Куда, скажи на милость, можно торопиться в выходные в девять вечера?

– На свидание? – по-женски изобретательно предположила она. – Как мы с тобой.

Илья ухмыльнулся и погладил ее колено. Она поймала его руку, переплела свои пальцы с его и нежно сжала. Он высвободился из ласкового плена, включил поворотник, и через пару минут они въехали во двор, окруженный старыми домами.

Старые петли жалобно скрипнули, впуская новых жильцов в подъезд. На лифте висело объявление о внеплановом ремонте. Илья провел свою гостью по сумеречной лестнице на третий этаж и, открыв неприметную дверь с серой обивкой, вошел в темноту квартиры первым.

– Сейчас найду выключатель – Через несколько секунд в коридоре мигнул и вспыхнул свет. – Черт, они уже начали!

Любопытная Соня шагнула через порог и ахнула от изумления.

– Здесь ремонт?

Она никогда в жизни не видела такого погрома. Казалось, квартира долгое время находилась в зоне активных боевых действий. Соня подняла глаза вверх, оглядывая стены и потолок, покрутила головой, как сова, и остановила вопросительный взгляд на брате. Но его лицо снова стало непроницаемым.

– Смотри под ноги, девочка. Похоже, здесь прошла вражеская авиация.

Он двинулся вглубь дома и по дороге раздавил большой кусок известки, который припудрил его черный ботинок серой пылью. Подавленная и разочарованная, она пошла за ним следом походкой журавля в болоте, осторожно переступая через кучи мусора на полу. Илья остановился посреди огромного зала и со злорадным интересом воззрился на высоченные потолки с осыпавшейся лепниной.

– Что это, Илюша? – жалобно спросила она, оглядывая голые стены.

– Я знаю не больше тебя, – неожиданно грубо огрызнулся он. – Сейчас разберемся.

Но у нее пропало всякое желание разбираться. Она вернулась в коридор и ткнулась в первый попавшийся дверной проем. Балконная дверь была подперта грязной доской. Соня прошла между двух куч строительного мусора, оттолкнула доску и ступила на улицу. Мимо нее в квартиру хлынули звуки ночного города и запахи наступающего лета. Унылое шуршание проносящих по улице машин сменялось целой вереницей автомобильных гудков. В соседнем дворе заныла сигнализация. Женский голос откуда-то сверху позвал невидимого Сережу домой и сорвался на истерической ноте. Возвращаться в комнату и участвовать в процессе обследования этого полуразрушенного храма любви ей не хотелось. Она оперлась локтями о перила

и прислушалась. Илья передвигался по квартире, открывая и закрывая двери, зачем-то включил отчаянно завизжавший кран.

Внезапно ею овладела полная апатия. Очевидно, у него далеко идущие планы на это «уютное гнездышко». Где он обычно встречается с женщинами? Наверняка держит номер в отеле. Комфортные апартаменты для продажной любви. Предупредительные швейцары в шинелях с золотым шитьем, вечно улыбающийся портье, фигуристая горничная, готовая угождать гостю. Кровать под балдахином, зеркала, забитый выпивкой бар и сменяющие друг друга девицы в кружевных чулках.

Одну такую она однажды встретила в его кабинете через год после замужества, когда просто забежала без звонка. Секретарше были даны распоряжения относительно кофе, а он казался смущенным и нервным, и она не сразу поняла, в чем дело. Сидела в кресле у низкого столика и что-то самозабвенно рассказывала, закинув ногу на ногу. Он то и дело бросал косые взгляды на ее слегка задрвшуюся юбку, а она забавлялась, поддразнивая его откровенностью позы. В конце концов, Соня смилостивилась и оправила подол, и в эту минуту без стука вошла эффектная девица, из тех, которые так легко велись на его деньги, прикрывая алчный интерес бурным сексуальным влечением. «Вот и я, дорогой!» Девица в черных чулках, резинки которых выглядывали из-под короткой юбки стального цвета, и в блузке с таким глубоким вырезом, что если бы она наклонилась, ей бы нечего было больше скрывать. Илья слишком быстро поднялся, не подготовленный к встрече двух таких разных женщин. Соня осталась сидеть, а та, другая, поначалу не знала, куда девать руки, но, в конце концов, подперла ладонями поясницу, задрала подбородок, приняв воинственную позу рыночной торговки, и возмущенно посмотрела на хозяина кабинета. В сравнении с ее броской, выставленной на продажу красотой, Соня проигрывала, как юная статистка проигрывает только что выпущенной из рук гримера примдонне. Девица сразу оценила свое преимущество и наслаждалась замешательством соперницы, бесстыдно разглядывая ее с головы до ног. Обстановка стремительно накалялась. Илья, избегая смотреть на сестру, сказал своей протеже что-то резкое, она съязвила в ответ. Соня, не желающая присутствовать при выяснении отношений, поднялась в тот миг, когда он подчинил себе ситуацию и представил ее бесцеремонной гостье. И сразу же бледная Офелия стала настолько значительнее, что пришедшая красотка смешалась, бросила на нее ненавидящий взгляд и отступила в сторону, пропуская ее к двери, как собака, поставленная на место грозным окриком. Соня нашла в себе силы тепло попрощаться с братом, прижалась на миг щекой к его щеке, имитируя родственный поцелуй и со злорадством почувствовала, что он волнуется и сравнивает ее теплое объятие и стервозную статью гостьи. Инстинкт подсказывал, что этот раунд остался за ней. Илья на пороге кабинета ревниво наблюдал, как она с величественным спокойствием пересекала просторную приемную под любопытными взглядами присутствующих.

Захваченная воспоминаниями, Соня не услышала, как он вышел на балкон и остановился позади нее. Мысли неохотно перетекли в сегодняшний день. Она вздохнула, но не изменила позы, лишь переступила с ноги на ногу, как застоявшаяся в стойле лошадь.

– Черт знает что, – сухо поделился своими выводами мужчина и положил тяжелую руку ей между лопаток, но Соня недовольно мотнула головой и оставила его без ответа. – Ты сердишься? Хочешь уйти? Я не знал.

– И все равно я хочу уйти.

Он болезненно отреагировал на капризные нотки в ее голосе. Рывком развернул ее к себе и приблизил злое лицо. Она невольно подалась назад, но кроме боли там, где его пальцы намертво сомкнулись на ее плечах, не добилаь ровным счетом ничего.

– Отпусти!

Он чуть ослабил хватку и потянул ее за собой.

– Идем!

Они пробрались по коридору мимо ямы в полу и оказались в комнате, где, как ни странно, был выметен мусор, а прямо посреди чудом уцелевшего паркета стояла огромная кровать с высоким резным изголовьем из красного дерева. Синяя простыня свешивалась с обеих сторон почти до пола. Угол одеяла был призывно отогнут.

Соня поискала взглядом стул или вешалку или хотя бы гвоздь на стене.

– А куда мы повесим одежду?

– Бардак! – сказал он, не ответив на вопрос. – Они сказали, что начали избавляться от мебели. Здесь был какой-то клоповник, рассыпавшийся в прах советский антиквариат. Я распорядился купить кровать. Но я не думал, что они уже начали ремонт. Прости, Соня, я не хотел, чтобы было так.

Она вымученно улыбнулась и попробовала обмануть его напускным весельем.

– Можно считать это романтическим приключением.

– Хорошо, поедem в гостиницу, – в ответ рассердился он.

При упоминании гостиницы на них повеяло дешевым мотелем для случайных любовников из американских мелодрам. Соню передернуло от отвращения.

– Останемся. Только бы руки помыть.

– В ванной я еще не был. – Он редко сомневался в правильности принятого решения, но сейчас был именно тот случай. – Надеюсь, эти горе-строители не все сломали.

По крайней мере, вода в ванной комнате была, хотя на стене не оказалось раковины, а на месте сливной трубы в полу зияла склизкая дыра. Они вместе наклонились над посеребренным от времени и упавшей штукатурки чугунным корытом, соприкасаясь руками под вялой теплой струей.

– Здесь много места, – желая его ободрить, сказала Соня. – Когда ремонт закончат, будет здорово.

Ее внимание приковала шершавая стена с наполовину осыпавшейся кафельной плиткой, а он разглядывал нежный женский профиль на фоне одинокого розового прямоугольника с детской переводной картинкой посередине. На картинке, уложив младенчески пухлые ручки на широкую голубую юбку, прямо на него с ехидной усмешкой смотрела золотоволосая принцесса.

– Что ты увидела?

Под его внимательным взглядом Соня смутилась, стряхнула воду с пальцев, не надеясь на полотенце, но Илья забрал ее мокрые руки в свои и приложил под пиджаком к рубашке. Женщина высвободилась, обняла его за шею и тронула губами губы, приглашая начать вечер. Он прижал к себе податливое тело и забрался ладонью под юбку, а потом отстранился и повел свою спутницу через освещенный коридор в комнату с брачным ложем, где под высоким лепным потолком покачивалась пыльная лампочка.

Они разошлись по разные стороны кровати и, повернувшись спиной друг к другу, стягивали с себя одежду, как подростки, лишенные родительской опеки. Он в какой-то момент захотел увидеть Соню обнаженной, но не посмел, вдруг устыдившись собственной наготы. Она первая нырнула под одеяло и прищурилась на яркий свет.

– Хочешь, выключу? – спросил он, предположив в ней стыдливость далекой девичьей поры.

– Не надо, пусть останется.

Под одеялом он нащупал ее замерзшую руку и потянул к себе. Соня по-детски устроилась щекой на его плече, и он никак не мог решиться пойти дальше этого целомудренного объятия.

– Ты все еще сердишься?

– С чего ты взял?

– Перестань отвечать вопросом на вопрос.

– Какая разница, где быть, если с тобой.

Он вздохнул и не поверил.

– Были места куда удобнее, но ты ими не воспользовалась.

– Когда это было! Но если ты сейчас же не поцелуешь меня, я точно рассержусь.

Он годами жил ожиданием этой ночи, но посреди чужого разоренного уюта все оказалось слишком обыденно: договорились, встретились, разделись. Лампочка продолжала раскачиваться, мягко высвечивая пустые углы, и кровать плыла под ними в холодных синих волнах шелка.

– Ты не хочешь меня, Илюша? – Он в бешенстве подумал, что тело подводит его в самый неподходящий момент, когда ее губы задрожали, а между бровей залегла скорбная морщинка. – Все плохо. Ты не хочешь...

– Да с чего ты взяла! – Преисполненный отцовской нежности, неуместной в такой интимный момент, он принялся стирать мокрые дорожки с ее щек. – Ты моя красавица. Никто не сравнится с тобой.

Слова брались откуда-то сами, прорастали сквозь несоответствующую страсти разруху, распускались пышным цветом, как розовый букет, извлеченный из шляпы фокусника. Но она не верила словам, отворачивалась и лила горькие слезы, как безутешный ребенок.

– Все должно было быть не так, не так, – твердила она, тряся упрямой головой.

– А как? – не выдержал он, позволив ей озвучить собственный сценарий любовной игры.

– Не спрашивай!

Она всхлипнула в последний раз и закрылась от него локтем.

– Ну уж нет! – Илья бесцеремонно применил силу и развел ее руки в стороны. – Рассказывай.

– Это стыдно.

– Ты лежишь здесь голая, как и я. А тебе, видите ли, воспитание не позволяет рассказать о своих фантазиях? Или все дело в квартире?

– Да нет же! – Соня перестала плакать и робкими пальцами погладила его висок. – Не в квартире. В тебе.

– И что я сделал не так?

– Я миллион раз представляла, как ты ласкаешь меня.

– А я что же, был груб с тобой? – изумился он, но она насупилась и как в рот воды набрала. – Софья, если мне придется вытягивать из тебя по одному слову, мы дождемся рабочих.

– Я покажу.

Она провела пальцем от мочки уха до ключицы, и Илья отметил, как она закрыла глаза и сдержанно вздохнула. Он залюбовался ее приоткрывшимися губами и рассыпанными по подушке локонами и убрал руки с ее плеч, давая ей свободу. Соня нашла его ладонь и положила к себе на грудь, легонько надавила сверху. «Черт возьми, да она же соблазняет меня!» Эта шальная мысль пришла как нельзя кстати.

– Помнишь, в горах?

В ее шепоте звучала робкая надежда влюбленной женщины, что мужчина помнит все слова, ощущения, минуты, впаянные в цепочку их любовных встреч, как помнит их она. На секунду он встревожился, что они опять не поймут друг друга. Но память услужливо включила кинолентку сицилийского вечера, и перед глазами поплыло воспоминание о бесполезной шнуровке, о шелковистой коже под широкой юбкой, о запахах, звуках, прикосновении прохладного камня и обжигающего дыхания. Он словно вернулся на годы назад, приник губами к ее груди, опустил руку на внутреннюю сторону ее бедра и двинулся вверх, поглаживая, останавливаясь, дразня. Она задышала чаще, обхватила его шею ладонью. Он устремился выше, губами к губам, бедрами к бедрам. Она почти сразу поймала спокойный ритм и начала дви-

гаться вместе с ним, словно всю жизнь знала эти движения, эти поцелуи. Сквозь марево своих ощущений он удивился ее осторожной сдержанности и стремлению угодить.

– Соня? Что опять стряслось?

– Скажи, что любишь! Почему ты никогда не говоришь?..

На этот раз она не оттолкнула, но он навсегда усвоил прежний жестокий урок.

– Люблю? Да я не знаю, как жил все эти годы без тебя, без твоих губ, без этой груди!

Он привык обходиться без лишних слов. Разве что в далекой молодости, в нереальном теперь прошлом. Но сказанное им сейчас отворило в ней потайную дверь, выпуская звуки и желания. Она застонала, на этот раз не только отдаваясь, но и требуя что-то для себя, и он не выдержал страстного напряжения и овладел ею, прижимаясь губами к тому самому заветному месту на шее, между мочкой уха и ключицей.

– Я люблю тебя, Илюша, – проворковала она, когда он разжал руки и с выпрыгивающим из груди сердцем оказался на соседней подушке, и потерлась щекой о его плечо. – Очень.

– И я тебя люблю.

Илья заслонился свободной рукой от бьющего из-под потолка света и умолк. Она заговорила первой, и он только теперь заметил, что даже ее негромкий голос разбивается гулким эхом о голые стены.

– Давай выключим лампочку. И сможем наблюдать огоньки за окном.

Он не уловил смысла в рассматривании огоньков, но покорно поднялся и проследовал под ее неотрывным взглядом к двери.

– Чего ты смотришь? – недовольно буркнул он, щелкнув выключателем.

– Все еще не могу поверить, что у нас все было.

– Ничего еще у нас не было, Сонька!

Он услышал, как она блаженно заулыбалась в темноте, принимая его хвастливое утверждение как обещание, и, вернувшись в кровать, потянулся обнять ее, как будто боялся выпустить надолго. Она прижалась бедром к его боку и положила руку ему на грудь.

– Как думаешь, который час?

На стенах не было часов. Его собственные лежали в кармане пиджака, пиджак – в ногах постели, а подниматься отчаянно не хотелось.

– Думаю, хорошо за полночь. Хочешь уйти?

– Хочу остаться с тобой в безвременье. Ты спешишь?

– Нет. А ты?

Она с неохотой вспомнила о муже и семейном долге, и он почувствовал перемену в ее настроении и насторожился.

– Отвезти тебя домой?

– Как ты легко сдаешься! – Она вонзила ногти в его плечо и с веселой угрозой склонилась над ним. – Спешишь избавиться от меня?

– Напротив.

– Я хочу любить тебя прямо сейчас. Теперь твоя очередь признаваться в своих заветных желаниях.

– Вот еще! – отмахнулся он.

– Я буду искать, а ты скажешь.

– Искать? – не сразу понял Илья и вздрогнул от первого прикосновения. – Сонька, что ты творишь!

– Скажи мне, что я на правильном пути! – фыркнув от смеха, потребовала она.

Он не смел пошевелиться, чтобы не спугнуть обморочный восторг. Напрасно он опасался неудачи. Тело благодарно откликалось на ее ласки, позабыв о времени, возрасте и предписанных запретах, а она, насмехаясь над условностями, тешила его беспомощностью.

– Тебе не нравится?

Ее взлохмаченная голова вынырнула из-под одеяла. Он вздрогнул от неожиданности. Вот мерзавка! Ведь знает, не может не знать...

– Продолжай! – выдохнул он и подтолкнул ее обратно.

Она вернулась к поиску творчески и самозабвенно, и он осязал то скользящую прядь волос, то бархатные прикосновения пылающей щеки, то несмелые пальцы и неспешные губы. Ему хотелось не только ощущать, но и видеть, что происходит, но оба тонули в каскаде ее рассыпавшихся волос. Ими владела чувственность, которую они сдерживали так долго, и неизведанные закоулки ее фантазий. Иногда она нетерпеливым движением отводила волосы от щеки, сбиваясь с блаженного ритма. Тогда он успевал разглядеть сосредоточенное лицо, блуждающий огонек бриллианта, закованный в обручальное кольцо, и опять все тонуло в волнах соскользнувших волос, открывая путь в новые миры. Когда она сама готова была шагнуть в безбрежный океан наслаждения, и пленительные касания потеряли начальную сдержанность, он успел перехватить хрупкое запястье.

Соня повернула к нему отрешенное лицо, и мужчина потянул ее на себя. Она угадала его нехитрый умысел и, помедлив, опустила сверху, закинув тонкие руки за голову и удерживая на весу копну волос, как нагая купальщица, входящая в темную лагуну. Он поторопил ее, но она закусила губу и замерла, распаляя его желание. Он любовался ее стройным телом и не смел пробудить ее к жизни. Наконец, Соня очнулась от своих грез и тронулась в долгий путь. Ее ресницы были плотно сомкнуты, а уголки губ подергивались, будто сдерживали улыбку. Чужое, незнакомое лицо. Ожившая языческая маска. Богиня сладострастия, застигнутая случайным путником за исполнением ритуального танца. Если бы он мог думать или сравнивать... Внезапно она издала сдержанный вздох, и Илья, поддавшись древнему инстинкту, притянул ее к себе, наклонил, как упругую ветку, нашел сухие губы, прошелся ладонью по груди. Водопад черных волос накрыл их обоих, но она оттолкнулась от него: «Не мешай!» А, спустя несколько мгновений, сама повалилась к нему на грудь. В эйфории от обретенной свободы он перевернул ее на подушку, осыпал поцелуями и взял уже почти расслабленную, покорную, отдающую остаточный жар страсти.

Позже, когда он вытянулся рядом, стряхнув наваждение, как прилипшую паутину, она дала ему время уgomонить сердце и снова устроилась на его плече, утверждая новую привычку.

– На этот раз я была эгоисткой.

– Я тебя прощаю.

Она мелодично рассмеялась, и он, представив, как эти же ласки она дарила пять лет подряд другому мужчине, удачливому сопернику, подхватил ее ладонь, успокоившуюся на его бедре, и прижал к губам. А потом мысленно шагнул в девичью спальню с упавшей на пол книжкой, услышал звон пастушьего колокольчика, вспомнил губы со вкусом сицилийского вина и затосковал о потраченных впустую годах. Она проникла в его горькие мысли по извилистой тропинке женской интуиции и тихонько замурлыкала, касаясь губами плеча.

– Я берегла себя для этой ночи с тобой.

– Ты спишь с другим, – с укором напомнил он, как солдат, вернувшийся с войны к теперь уже бывшей жене.

– Но такого со мной не было прежде, – призналась она ему в утешение.

– Ты манкируешь супружескими обязанностями?

– С ним все не так.

– А как?

– Замолчи! – Она притворно рассердилась и тут же рассмеялась, без зазрения совести пользуясь тем, что силы его почти покинули. – Как будто ты вправе спрашивать об этом. Ничего не было до тебя, слышишь?

– Это до тебя ничего не было, – не покривил душой Илья и скользнул губами по ее волосам, пахнувшим осенними яблоками, а она вновь замурлыкала и потерлась об него, как кошка.

– Ты чудовищный лжец! А как же все эти толпы красавиц... Но теперь так будет всегда. Всегда!

Женщина, торжественно повысив голос, еще раз повторила последнее слово как подвечную клятву, и мужчина ощутил полынный вкус вечности, обретенной слишком поздно. Возможно, она ждала от него других признаний, и ему следовало сказать, что ночь с ней – это все, чего ему не хватало в жизни, но вместо этого он возразил:

– Ошибаешься, девочка. Это больше не повторится!

– Почему? – растерялась Соня. – Разве тебе было плохо?

– Потому что больше ты никогда не будешь обладать мной, – проворчал Илья, пряча улыбку. – Это мужское дело – быть сверху и брать.

– Ах, вот оно что! – Она расхохоталась и откинулась на подушку, приглашая его осуществить обещанное. – Все, что пожелаешь, мой господин. Где пожелаешь. Когда пожелаешь.

– Так и будет.

Без тени сомнения он прижал ее к себе и подумал, что сын был прав, говоря, что ее мог бы пожелать любой мужчина. Но теперь она никогда не достанется никому. Он сам будет владеть ею, и никто больше не встанет у него на пути. Дав себе это обещание, он как будто сбросил груз лет. И тут же ощутил непреодолимое желание закурить.

– Увы, нужно ехать, – со вздохом вспомнила Соня и попыталась сдержать зевок. – Завтра на работу.

– Сегодня, – напомнил он, удерживая ее голову. – Ночь уже на исходе.

– Неправда. – Она поерзала, устраиваясь, как зверек в норе, но все еще продолжала думать о неимоверном усилии, которое требовалось, чтобы оставить его. – Сейчас я встану и оденусь.

– Ты уговариваешь меня или себя?

– Просто поцелуй меня, – не уловив иронии, попросила она, прежде чем безнадежно провалиться в сон. – И я пойду.

– Кто сказал, что я тебя отпускаю?

– Поцелуй... Пожалуйста...

Он прижался губами к теплой макушке, высвободил затекшее плечо, уложил свою маленькую девочку на подушку и укутал в одеяло. Она покорно снесла его родительские причуды, и только когда он отодвинулся, любуясь безмятежной картиной, шумно и невнятно вздохнула:

– Поцелуй...

Он улыбнулся ее жадной настойчивости, нашарил в кармане пиджака сигареты и отправился курить за дверь.

Они проснулись почти одновременно. Она заворчалась, что-то заворчала, замурлыкала по-кошачьи, потянулась гибким телом, заиграла лопатками, а потом снова свернулась калачиком. Вслед за ней и он открыл глаза, оглядел осыпавшуюся кое-где лепнину, стены с клоками обоев, парадно блестящее синее одеяло, подсвеченное солнцем из пыльного окна. Следы разрушения проступили еще явственнее и теперь окружали их со всех сторон, а кровать была ковчегом, затерявшимся в их новом мире для двоих.

Соня лежала на боку, прислушиваясь к звукам за спиной и стараясь угадать, что он делает. Наконец, он услышал робкий голос.

– Все это было с нами ночью? Или тебя здесь нет? Скажи что-нибудь, Илюша.

– Что сказать?

Она стремительно обернулась на звук его хриповатого голоса, прильнула, поцеловала и отодвинулась, стараясь поймать выражение его глаз.

– Ничего! Я и сама знаю, что это был не сон.

– Не сон. Если мы, конечно, помним одно и то же.

- Хочешь сличить наши воспоминания?
- Пожалуй, что не рискну. Иначе мы оба опоздаем на работу.
- А день вчера начинался не очень, – некстати вспомнила Соня.
- Особенно для меня, – мрачновато кивнул он, и Соня с видом нашкодившего щенка сдвинула брови домиком и уткнулась носом в его бок.
- Давай полежим еще немного. Все равно я уже не успею переодеться.
- Да никто и не заметит твой помятый наряд.
- О, ты не знаешь мира офисных клерков! – возразила она, удивляясь его мужской непонятливости. – Еще как заметят. Особенно те, кому не следует.
- И много таких?
- Да весь мир! – Соня рассмеялась, не желая ни обманывать, ни говорить правду, и снова приблизилась на опасное расстояние, приглашая продолжить ночную игру. – Ты все еще любишь меня или это было только вчера?
- Все еще люблю, – задумчиво отозвался Илья.
- Как мило!
- Только сейчас я не могу. Время на исходе.
- А хочешь?
- Пытаешься получить тайную власть не просто над моим телом, но над моими желаниями? Безраздельно править, распалить жажду и сама же удовлетворить?
- Она уставилась на него, как ночная птица, застигнутая врасплох рассветом. То, что еще не оформилось в ее влюбленной голове, было сформулировано им с точностью финансового аналитика, предсказывающего завтрашний взлет акций.
- Неужели я смог тебя удивить?
- Откуда ты знаешь обо мне больше, чем я о себе?
- Зачем же ты сознаешься в том, о чем мне не следует знать! – шутливо укорил ее опытный любовник. – Другая женщина влепила бы мне пощечину за такие слова.
- Это твоя идея, – предупредила она и шутливо занесла над ним руку.
- Он перехватил ее кисть, сжал так, что она поморщилась, притянул к губам и поцеловал раскрытую ладонь.
- И это все? – не сдавалась она, подув на запястье, где остались следы пальцев.
- Другая бы заставила меня бегать за ней, упрашивать, извиняться.
- Есть женщины, за которыми ты стал бы бегать?
- Пока не попадались.
- Он усмехнулся этому наивному вопросу и легонько щелкнул ее по носу.
- Тогда какой же путь выбрать мне?
- Будь собой.
- Но если ты все знаешь обо мне, – не сдавалась упрямца. – Если я все равно уже открытая книга, и ты пролистаешь меня за час, за одну ночь...
- Я не стану торопиться и буду открывать тебя медленно, читать и перечитывать каждую страницу, каждую строчку. Буду учить наизусть твои маленькие хитрости и возвращаться к прочитанным фрагментам, чтобы снова окунуться в них. Кое-что я постараюсь забыть, а что-то забыть не смогу.
- Ты сводишь меня с ума, – зашептала она, распахнув потемневшие от страсти глаза с сияющими зрачками. – Я не представляла, что ты умеешь так говорить! Кто кого соблазняет?
- Точно не я! Тем более, сейчас, когда пора собираться.
- Из его голоса исчезли глубокие нотки обольщения. Теперь с ней говорил практичный бизнесмен, ни на минуту не забывающий о работе и ценящий время превыше всего.
- Нет, постой! – запротестовала женщина.

Но он снял ее с груди, как расшалившегося котенка, и переложил на подушку. Она взглянула на часы на его руке и обиженно надула губы. Илья поцеловал ее в уголок рта и сел на край кровати, оглядывая пустынный пейзаж вокруг.

– Мне надо принять душ, – закапризничала она. – Я не могу ехать на работу в таком виде. От меня за версту несет грехопадением.

– Ночью ты не жаловалась. Ладно, посмотрю, что можно придумать.

Горячая вода из крана не исчезла, и он, сняв со стены перекрученный душевой шланг, принялся отмывать грязь и штукатурку с эмалированной поверхности. Под грязью обнаружились кляксы ржавчины. Мутный водоворот с громким хлюпаньем исчезал в черной дыре водостока. В углу на осколке разбившегося кафеля обнаружился бледно-зеленый обмылок, и хозяин квартиры тщательно счистил с него прилипшие соринки и оставил на краю ванны ожидать Сониного прихода. «Наверное, приблизительно так и выглядит хваленый рай в шалаше», – усмехнулся он и пошел за Соней.

Она уже надела туфли, но прикрыть наготу не пожелала. Только волосы были закручены в узел и схвачены на затылке большой заколкой. Едва он вошел, она поднялась, демонстрируя ему всю себя, но он по-деловому оглядел ее от каблучков до кончиков волос и поманил за собой. Они продвигались по разоренной территории, как саперы, лавируя между пакетами с мусором, кучами вывернутого паркета и пыльными курганами.

– Помнишь, какая героиня у Булгакова открыла дверь в квартире на Патриарших в одних туфлях?

– Нет, – буднично ответил он, не загружая голову художественными бреднями. – Маргарита?

– Гелла. Она была ведьмой.

– Ты льстишь себе. До настоящей ведьмы тебе еще расти и расти.

Она тихонько чертыхнулась, и под ее каблучками захрустела штукатурка.

– Я постараюсь.

Ванная была наполнена паром. Соня с довольным видом улыбнулась и оттеснила его плечом. Он понадеялся услышать от нее слова восхищения или хотя бы благодарности, но она с некоторой брезгливостью провела ладонью по краю тесной лохани, уселась на край, легким движением скинула туфли и оказалась внутри.

– А полотенце?

– Я принесу тебе простыню.

– Это подождет.

Она протянула ему душ и подставила спину под колющие струйки. Вода разбивалась о ее плечи и фонтанчиками брызгала в разные стороны.

– Ты бы снял брюки, а то будешь весь мокрый.

Но Илья раскусил ее коварный замысел, и Соня хмыкнула, уличая его в трусости, и протянула ему скользкий обмылок. Он помотал головой и попытался дезертировать.

– Соня, я не делал этого со времен твоего детства.

– Не мылся? – деланно подняла брови она и хихикнула. – Просто попробуй, вдруг понравится.

Мало что могло сравниться с прикосновением к ее коже, с тягучими струйками, сбегаящими по ее спине, с пенной вуалью на ее груди и искорками света, играющими в мокрых волосах. И если бы не приходилось торопиться на работу, он бы присоединился к ней и продлил бы вчерашний вечер на тысячи вечеров. Она нежилась в его заботливых руках, улыбалась, встречая его взгляд, целовала его, едва его щека оказывалась в доступной близости, и закрывала глаза, делая вид, что не причастна к этой детской забаве. Когда последние мыльные пузырьки исчезли в прозрачном водовороте у ее ног, он заторопился в спальню за простыней, чтобы перевести дыхание и вернуть мысли в нейтральную плоскость. К счастью, разрушенный быт

квартиры быстро избавлял от неуместных желаний. Когда он вернулся, Соня сидела на дне ванны, подтянув к груди колени и упершись в них подбородком, и смотрела прямо перед собой немигающим взглядом. Одна из намокших прядей сбегала вниз по плечу.

– Я вспомнила сон, – не меняя позы, сказала она. – Ты веришь в сны?

– Я их не запоминаю. Вставай, я принес полотенце.

– Ты меня обманул.

– Когда?

– Там, во сне.

– Я никогда тебя не обманывал, даже во сне.

– Обманул. – Она подняла голову и так жалобно посмотрела на него, что в первую секунду ему захотелось извиниться за себя в ее сне. – И я умерла.

– Этого не случится, Соня. – Он вернулся в реальность разрушенной квартиры и едва смог сдержать подкатившее раздражение. – Вставай.

Она поднялась, как речная нимфа, явившаяся одинокому путнику посреди мрачной чащи. Илья укутал ее в простыню и отнес в комнату, перекинув через плечо, как ковер с похищенной невестой. Ее волосы колыхались за его спиной, а под руками приятно ощущалась упругая округлость ягодиц. Ему пришлось самому вытирать ее и даже одевать, а она стояла на кровати, как манекен, и даже не пыталась помочь. В раздевании женщин он поднаторел за столько лет, но как надевать на них многочисленные предметы туалета совершенно не представлял. В конце концов, он запутался в ее белье, отчаялся и встряхнул ее, как платье.

– Да что с тобой! Откуда эта кислая мина? Чем я провинился перед тобой?

Она опустила на колени, оказавшись вровень с его лицом, обняла за шею.

– Мне страшно, Илюша.

– Пока ты со мной, тебе ничто не угрожает.

Соня уклонилась от поцелуя и, пока он ходил в ванную за ее туфлями, быстро оделась и спустила ноги с кровати.

– Пойдем?

Вслед за ним по протоптанной дорожке она выбралась из квартиры на лестницу и застучала каблучками по выщербленным ступеням.

– Господи, как же хорошо!

Она подняла руки, словно поклонялась взошедшему солнцу, и потянулась всем телом вверх, будто готовилась взлететь. Илья стоял рядом с зажатой в пальцах сигаретой, шурясь от яркого света и ее красоты. На обуви у обоих были следы побелки, но Соня сияла чистотой и свежестью, а он чувствовал себя старым вампиром, выброшенным судьбой на солнечный остров. Случайные прохожие с интересом воззрились на странную парочку, направившуюся из неприметного подъезда напрямиком к мерседесу.

– Хочешь за руль? – спросила она, остановившись перед капотом, и протерла ладонью слегка запылившуюся звезду.

– Нет уж, сама разбирайся с сумасшедшими.

Он с одобрением наблюдал, как она управляет с большой машиной. Большинство женщин, которых он знал, предпочитали выходить из услужливо распахнутой задней двери. Или возвышаться над дорогой в громадных внедорожниках, где можно почувствовать себя настоящим танкистом и уповать не на мастерство водителя, а на страх и почтительное отношение других участников движения. Но он знал, что Соня одинаково успешно справлялась и с его старым гелендвагеном, и с маленькими спортивными машинами, прижатыми брюхом к земле и при каждом нажатии акселератора грозно рыкающими, как потревоженный пещерный лев.

Часы показывали только восемь тридцать, и у них еще была уйма времени, чтобы позавтракать перед началом первого дня рабочей недели.

– Остановись вон там. Хоть кофе выпьем, – сказал он, указав ей на витрину кафе.

В кафе было занято только два столика. Они прошли к большому окну с видом на бульвар. Вальяжный официант небрежным жестом смахнул с влажной скатерти несуществующие крошки, подал меню и отступил к барной стойке. Через минуту Илья позвал его снова и заказал яичницу с беконом, поджаренный тост и кофе. Соня попросила кофе без сахара, а к нему тост с красной икрой и другой с семгой.

– Утро было чудесным, милый.

– Не в пример ночи?

Она ласково коснулась его руки и впервые обратила внимание на множество мелких царапин, покрывающих его широкое обручальное кольцо.

– Будь моя воля, на земле навсегда воцарилась бы ночь.

Он усмехнулся, захваченный внезапным образом широкой кровати, парящей в беззвездном пространстве с обнаженной Соней на покрывале.

– Я бы успел тебе надоест, – с привычным скептицизмом констатировал он.

И тотчас подумал, что именно сейчас она задаст вопрос: «Когда?», и ему придется кроить напряженный график, придумывать место для встречи, изобретать романтическую обстановку. Но она ничего не спросила.

– Тебе не в тягость твоя работа?

– Нет, совсем нет, – солгала она. – Я рада, что могу куда-то приложить свою энергию. Все-таки жизнь под домашним арестом не для меня.

– А муж?

– Он тоже много работает, пишет книгу. Утром я ухожу раньше него, а вечером мы встречаемся за ужином, делимся впечатлениями. И он очень привязан к Белле.

Она сочиняла свою семейную жизнь прямо на ходу, не опасаясь быть пойманной на лжи. Истинное положение дел было известно только ей, домработнице и няне. Но обе женщины даже под пытками не выдали бы добрую хозяйку, поэтому за сохранность этой тайны она могла не беспокоиться.

– Значит, все хорошо?

– Да, все прекрасно, – не сводя с него искренних глаз, заверила она. – Особенно теперь.

Он кивнул и принялся вызванивать водителя. Когда на столе появился завтрак, Илья набросился на него с жадностью растратившего силы самца. Соня протерла принесенную чайную ложку салфеткой и принялась аккуратно снимать икру с тоста.

Илья нахмурился, искоса уловив неодобрение официанта, но Соня только пожала плечами. Когда икра закончилась, она с непринужденной грацией стянула с хлеба кусочек рыбы и, скатав ее пальцами в маленький рулет, с удовольствием отправила в рот.

– Ты же с голоду умрешь до обеда! – не выдержал он, имея в виду не манеры, а последствия.

– Мне не хочется.

Она поднесла блестящие от жира пальцы ко рту, но вовремя спохватилась и тщательно вытерла их салфеткой. Он с сожалением посмотрел в тарелку с остатками ароматной яичницы и тоже отложил вилку, устыдившись разыгравшегося аппетита.

– Это, конечно, твое дело, с кем ты будешь проводить время там... – вдруг вспомнила она и поджала губы.

Ревность делала ее невозможно сексуальной. Он не ответил, нашел ее прохладную ладонь, лежащую на влажной скатерти, погладил и заговорщицки наклонился через стол.

– Хочешь заняться дизайн-проектом? Твоему вкусу я доверяю.

– Боюсь, у меня нет времени.

Соня отняла руку и помрачнела. «Я совью там любовное гнездышко, а он станет таскать туда шлюх. И на вопрос, кому принадлежит идея, кто купил мебель, он ответит: „Моя сестра“, и это будет правдой. А я ничего не смогу сделать, потому что у сестры еще меньше прав, чем

у любовницы». Они с отстраненным видом сидели друг напротив друга и не знали, о чем говорить. Нежность, вожделение, страсть – все это кануло в ушедшую ночь, осталось в воспоминаниях. На дневном свете их настигло сознание совершенного греха. Соня прятала глаза, а он продолжал смотреть на нее и знал, что наступают трудные времена. Со щедро оплаченными женщинами было безопасно и незамысловато. Они не вмешивались в его дела, не смели ревновать к жене и давать советы по поводу отношений с сыном. Он платил им столько, сколько считал возможным: деньгами, удобствами, возможностями. И ничем, кроме этого. Он не трагил себя и не давал напрасных обещаний о будущем. Но Соня в один миг завладела всем, что принадлежало ему, и им самим в придачу, и теперь его атаковали сомнения, разумно ли она распорядится полученным богатством. Она не просто перешла в категорию любовниц. Она так и осталась его давней ошибкой, темным грехом, упоением и страстью. Он шел к ней так долго, что уже перестал верить в возможность дойти, но, получив ее, осознал, что наслаждение призрачно, и все может рухнуть в одночасье.

– Твоя машина. – Она указала за окно и сверилась с часами. – Уже можно разбегаться.

Прощание получилось легкомысленным, словно двое приятелей встретились на минутку за столиком, перекинулись парой ничего не значащих фраз и снова готовились разойтись по своим дорожкам до новой случайной встречи.

– Ты иди первым, а я за тобой. Даже хорошо, что я проехала вперед. Незачем афишировать.

Он выложил на стол деньги и поднялся, не желая затягивать прощание.

– Не забудь переодеться, – материнским тоном напомнила Соня и тут же расцвела от приятных воспоминаний. – А я пойду расческу куплю. Или постригусь.

– Я тебе постригусь! – Он положил руку ей на плечо и нежно сжал. – У тебя восхитительные волосы.

– Иногда они так мешают.

– А иногда помогают.

Он не хотел возвращаться мыслями к ночным ласкам, но фраза вырвалась сама, и они улыбнулись, как заговорщики из одной масонской ложи, узнающие друг друга в толпе простых смертных. Соня изобразила губами нежный поцелуй и дружески похлопала брата по руке.

– Иди уже, Казанова.

Илья направился к двери, на ходу осматривая посеревшие края манжет. Внезапно Соня окликнула его, и он встретил ее взгляд, исполненный ожидания и надежды.

– Ты забыл мне что-то сказать. – «Началось!» – мелькнула у него ядовитая мысль, но тут же ретировалась. – Про Левушку.

– Ах да, про Левушку. Он в конце месяца женится.

– Значит, ты скоро станешь дедушкой.

Илья покосился в сторону утренних посетителей кафе. Кое-кто уже начал прислушиваться к их диалогу, но искушение было слишком велико.

– Не так страшно стать дедушкой, как спать с бабушкой.

– Двоюродной, – уточнила она, смеясь. – Это не считается.

– Еще как считается, старушка.

– Вот мерзавец, – ласково сказала она ему вслед и вспомнила об официанте, топтавшемся поодаль. – Принесите еще кофе и счет.

Глава 4. Игры не по правилам

За годы примерного супружества директор департамента по управлению персоналом успел забыть, что быть влюбленным на работе довольно хлопотно. Особенно когда любимая женщина ничего не подозревает по ту сторону стеклянной перегородки и лишь изредка бросает на него рассеянные и ни к чему не обязывающие взгляды.

В один из дней Александр Васильевич даже подумал, что стоит развернуть стол лицом к окну, чтобы не выглядеть экзальтированным юнцом, но вовремя отказался от этой мысли, потому что оглядываться на Соню было бы еще глупее.

А она не замечала его раздражительности и печали, поглощенная собственными заботами. Каждое утро он ревниво отслеживал ее приход и вскоре безошибочно научился классифицировать ее настроения. Иногда она бывала неторопливой и сонной, и тогда он знал, что она будет хмуриться до середины дня и сосредоточенно выстукивать на клавиатуре рваные ритмы писем. Когда она приходила энергичная и сердитая, он знал, что количество выполненных дел превысит количество запланированных, и она развивала бешеную активность, ругаясь со снабженцами всех мастей, поставляющих в компанию кофе в автоматах или копировальные машины. Если на улице припекало солнышко, и она входила с рассеянной улыбкой, он знал, что вместе с Кириллом в столовой они будут дружно подкалывать шефа и проходящих мимо коллег. Это настроение он любил больше всего, потому что тогда она улыбалась именно ему, и он погружался в мечтательные воды тихого блаженства. Несколько раз она пришла задумчивая и отрешенная. Села за компьютер, подперла щеку рукой и думала явно не о работе. Ближе к обеду она слегка встрепелась, стала куда-то звонить, писала письма, уходила и возвращалась, но он чувствовал, что ее мысли все равно далеко.

Утро в тот день выдалось удачным. Она улыбалась, спорила с Кириллом о новом трудовом кодексе и даже звала шефа на роль третейского судьи. Директор по персоналу с сожалением отказался от высокой чести, отправляясь на срочное совещание. Когда он выходил, она сидела на краешке стола возле Кирилла и раскачивала ногой в остроносой туфле, слушая речь в защиту уходящих в прошлое трудовых отношений. Александру Васильевичу захотелось окатиться на месте Кирилла, рядом с ее коленкой, под лукавым взглядом темно-серых глаз.

Совещание затянулось на два с половиной часа и целиком поглотило обеденное время. Он был голоден и зол на весь мир, возвращаясь в отдел. Комната была пуста, и только Соня сидела за столом, закрыв лицо руками, и то вздрагивала всем телом, то раскачивалась из стороны в сторону, как метроном.

– Соня, что с тобой?

– Боже, если бы ты это слышал!

Ее голос, глухо звучащий из-под ладоней, то и дело прерывался, и он по тону пытался догадаться о причинах постигших ее неприятностей. Он развернул ее кресло к себе и теперь нависал над ее склоненным затылком. Соня не отняла руки от лица, и он осторожно прижал ее голову к себе, погладил по спине.

– Она сказала... Ты учил историю партии?

– Да, конечно, – слегка растерялся он. – А при чем здесь партия?

– Она сказала, что я – политическая проститутка. Как Троцкий.

– Какой Троцкий?

– Лев Троцкий, какой же еще!

Он присел на корточки рядом. Соня тряслась от хохота, притрагиваясь кончиками пальцев к нижним векам, на которые то и дело набегали невольные слезы.

– Я не помню, как выглядел Троцкий. Мы с ним похожи?

– Ты меня напугала!

Директор по персоналу удержал ее ладони в своих и покачал головой, глядя с осуждением и нежностью.

– Я минут десять успокоиться не могу, как вспомню ее лицо.

– А я решил, что ты плачешь.

– И плачу тоже, как видишь, – наморщила нос она. – Политическая проститутка! И это только потому, что я сказала, что заявка из консалтинга на новые блокноты поступила раньше и уже подписана начальством. А она лично считает, что я дискриминирую их по политическому признаку.

– По половому. – Шеф все еще сжимал ее теплые пальцы, пользуясь неожиданной возможностью. – Все думают, что ты благоволишь мужчинам в костюмах и галстуках, а стоит населить консалтинг дамами, благоухающими, как куст герани, ты бы и близко к ним не подошла.

– Ну, в этом есть свой резон, – спрятала загадочную улыбку Соня и отняла руки.

Александра Васильевича затошнило от легкого приступа ревности.

– У тебя появились привязанности в этом племени костюмированных аборигенов?

– Мне с мужчинами проще работать.

Она небрежно заправила за ухо волосы, и у него отлегло от души.

– И никаких романтических бредней?

– Что это ты так печешься о моей нравственности? – с подозрением прищурилась она.

– Скорее, о своем душевном равновесии. Мне спокойнее, когда ты сидишь напротив, а не носишься сломя голову по этажам.

– Тогда переведи меня на должность твоей секретарши.

– Я опасюсь слишком быстро тебе надоесть.

– Похоже, ты сам не знаешь, чего хочешь.

На это ему нечего было возразить. Он все время приглашал ее на совещания в отделе или на личные консультации, как он называл их встречи в его «аквариуме» под наблюдением семи пар глаз. Меньше всего ему, проработавшему много лет в этой компании, требовались советы неоперившегося офис-менеджера. В название этой должности слово «менеджер» вкрадось по чьей-то прихоти. Соня никем не управляла, а лишь обеспечивала непрерывный трудовой процесс в офисе, что подразумевало находиться одновременно в нескольких отделах и быть в курсе последних событий.

– Или просто не хочу того, что знаю.

Она пропустила мимо ушей его фразу, придав ей наименее значимый статус.

– В мире нет совершенства.

– Есть. Ты – совершенство.

Снова захватив в плен ее руки, он попробовал на ней всю силу нескромного комплимента. И в который раз убедился, что лесть не имела над ней никакой власти.

– Ты меня недостаточно знаешь.

– Давай поужинаем сегодня, и у меня появится шанс...

– Ах, Саша, опять ты о своем. – Она скрестила руки на груди и откинулась на спинку стула. – У меня ребенок.

– А у меня двое. Твоя дочурка может побыть сегодня с няней лишних пару часов. – Он присел на край ее стола и заглянул в пустую чашку. – Хочешь, принесу тебе кофе?

– Только этого не хватало! Появишься на людях с моей чашкой, и сразу пойдут разговоры, что я – наглая «политическая проститутка». – Соня опять хихикнула. – И использую тебя, как официанта.

– Боишься, идиотских сплетен?

«Все уже давно сплетничают, – вздохнул про себя Александр Васильевич. – А мне что до этого? Ни опровергнуть, ни подтвердить...»

– Пусть думают о нас с тобой в контексте дружбы.

– Тогда не откажи другу в дружеском ужине. – Он был решительно настроен довести дело до конца. – Выбери любой ресторан!

– Макдональдс, – выпалила она и оглянулась на дверь, за которой слышались голоса. – Встретимся вечером на стоянке.

– Ты смеешься?

– Давай обсудим потом.

Александр Васильевич вошел в свой кабинет в тот миг, когда толпа сытых и благодушных сотрудников ввалилась в комнату.

– Соня, ты на диете? – прокричал от двери Кирилл. – Ты и так тощая, как форель после нереста. Сегодня давали говядину с черносливом. Если поторопишься, еще застанешь.

– Дел было много.

Соня сдержанно потянулась и одернула юбку.

– Тебя проводить?

Оказавшийся рядом Кирилл поклонился и подставил ей локоть.

– Обжора, тебе все равно не дадут вторую порцию.

– Ну, и ладно. Зато добрая фея пожертвует в пользу голодающего суп, или жалкий салат, или и то, и другое вместе. Голодающий будет благодарен.

– Он только что уговорил два салата помимо своего обеда, – крикнула им вслед одна из сотрудниц. – И даже «спасибо» не сказал.

– Не верь завистникам, – заныл Кирилл. – Ты же меня знаешь. Ради тебя я готов на все.

– В следующий раз твой суп я отравлю, – пообещала злопамятная коллега.

– Вот видишь, все хотят моей смерти, а я не хочу умирать голодным!

– Сколько же ты можешь съесть? – рассмеялась Соня.

– А сколько ты можешь предложить? – Кирилл, как всегда, готов был отчаянно торговаться. – Еды и денег много не бывает.

Они вышли в коридор, провожаемые добродушным хихиканьем коллег.

– Кстати о лишних деньгах, – вдруг посерьезнел Кирилл и взял ее под руку. – Ты можешь вложить их в выгодное дельце и получить назад с процентами.

– Тогда у меня будут не только лишние деньги, но и лишние проценты, – рассмеялась Соня, догадавшись, куда он клонит.

– Да, тяжело тебе, – протянул Кирилл, но тут же нашел удачное решение. – А проценты пожертвуй. Без-воз-мезд-но.

– Так что опять стряслось?

– Мне послезавтра платить кредит. А все на мели.

– И я – последняя надежда?

– Ты – воплощенная проницательность. И последняя надежда, конечно.

– Значит, ты ведешь меня в столовую не из-за супа?

– Как ты такое могла подумать! Чтобы я был таким корыстным, что ради презренного металла отказался от супа? Никогда! Еда – это святое.

– У тебя, наверное, нарушен обмен веществ. – Соня оглядела его оценивающим взглядом. – Не может нормальный человек столько есть!

– Ты пытаешься испортить мне аппетит? – Кирилл кивнул кому-то из проходящих коллег и теснее прижал к себе Сонин локоть. – Можешь хоть мышей на столе препарировать, это мне не помешает.

– Бедные мыши! Ладно, давай поговорим о презренном металле.

Она безуспешно пыталась высвободить руку, но Кирилл был непреклонен и, не сбиваясь с заданного курса, вел ее напрямик в столовую.

– А что о нем говорить? Его нужно или зарабатывать или тратить.

– А не пробовал сначала зарабатывать, а потом тратить? – усмехнулась она.

– Я никогда не смогу заработать столько, сколько хочу потратить.

– И сколько ты хочешь потратить послезавтра?

– Сколько я должен банку? – Он свободной рукой почесал затылок, сделав вид, что подсчитывает, но она знала, что у него была фантастическая способность запоминать цифры. – Сорок тысяч без нескольких копеек.

– Это еще по-божески, – почти с облегчением вздохнула сердобольная Соня. – В прошлый раз тебе нужно было восемьдесят пять, если не ошибаюсь?

– Восемьдесят шесть пятьсот. Для доброго самаритянина у тебя слишком хорошая память.

Он вздернул светлые брови и театрально нахмурился.

– Не жалуюсь, – согласилась она, пока он составлял на ее поднос полный комплексный обед. – Так в чем проблема? Бизнес не идет?

– Идет, но вяло, – пробурчал он и сквозь зубы выругался. – В прошлые выходные нас кинул клиент. Обещал забрать свою железяку и расплатиться, а теперь все телефоны молчат. И ни продать ее, ни денег получить. Я подозреваю, что она вообще в угоне.

– Не связывался бы ты с такими типами.

Они расположилась в полупустом зале, и она передала ему суповую тарелку, а сама принялась за цветную капусту, сложенную аппетитной горкой.

– Да кто мог подумать!

– Ладно, падший ангел. – Она знала, что не обеднеет, если одолжит ему денег. – Завтра привезу.

– Благотельница, – запричитал Кирилл, не забывая орудовать ложкой в куриной лапше. – Барыня, что бы я без вас-то...

Соня с улыбкой покачала головой и пододвинула к нему салат.

Александр Васильевич безуспешно пытался читать принесенные на подпись документы. Одно за другим в почтовый ящик упали два сообщения. Он по диагонали просмотрел оба и решил, что ответит позже. Накануне отпуска работать не хотелось. Уже было выбран курорт на испанском побережье и куплены путевки. Жена готовилась оставить на распродажах всю свою зарплату, и он не собирался ей мешать. У нее был трудный год: болезнь отца, два финансовых скандала на работе и постоянная угроза сокращения. Она имела право на роскошный отдых в дорогом клубном отеле и в предвкушении поездки была нежна с ним, как в первый год совместной жизни. А таких лет набралось почти пятнадцать.

Директор по персоналу провел мышкой по коврику, и курсор переместился в верхний угол окна. «Создать новое сообщение» – подсказала кнопка с конвертиком, и он, еще не думая о последствиях, щелкнул на ней. «Дорогая Соня!» – первые слова показались ему неудачными. «Милая Соня!» Нет, это чересчур интимно. Какая же она, эта Соня? Он задумался и вычеркнул определение. Имени вполне достаточно, остальное додумает сама. «Не знаю, зачем решил написать тебе. В эпистолярном жанре я не силен. Я рад, что ты согласилась поужинать со мной. Мне кажется, что нам есть, что обсудить. Наши отношения давно уже переросли...» Тут он запнулся и стал подбирать слова, чтобы выразить, во что переросли их отношения и куда им следует расти дальше. Но написать об этом оказалось непросто. Дальше предстоящего вечера его мысли не шли, и воображение отказывалось рисовать перспективы. Зато вечер он смог живописать себе в таких подробностях, что тут же решил вычеркнуть последнюю фразу, чтобы не искушать судьбу. «За прошедшие месяцы мы стали хорошими друзьями, а друзьям требуется время, чтобы поддерживать отношения. Надеюсь, мы проведем приятный вечер в уютном месте. До встречи. Саша». Не раздумывая слишком долго, он отправил письмо адресату и вздохнул с облегчением. Ей, конечно, будет приятно получить это письменное подтверждение его дружеских чувств. Он закрыл почтовую программу и с энтузиазмом взялся изучать бумаги.

После обеда Соня не сразу вернулась в отдел. Она навестила программистов, одарив каждого комплектом из двух ручек, лично проверила, как в маркетинге барахлит проектор, и, записав симптомы, отправилась к телефонистам договариваться о переброске двух номеров. Когда она уселась за свой стол и включила монитор, в почтовом ящике ее ждало пятнадцать сообщений. Среди них она заметила сообщение от шефа, но взялась отвечать на письма в порядке поступления.

Александр Васильевич вернулся из приемной генерального директора в прекрасном расположении духа. Ему было позволено взять к себе в отдел психолога, который займется решением возникающих в коллективе затруднений и этим снимет с его многострадальной жилетки дополнительную нагрузку по впитыванию жалоб. Последняя история противостояния не прошедшего испытательный срок консультанта и его начальника окончательно сломала желание директора по персоналу быть буфером в конфликтах. Теперь осталось дать распоряжение о размещении вакансии – и дело в шляпе.

Он успел позабыть о своем письме, но отчаянные знаки, которые подавала ему через стекло Соня, вернули его мыслями к предстоящему вечеру. Он коротко кивнул, и Соня, захватив из ящика какую-то папку, вошла и присела на край стула, не сводя с него подозрительно суженных глаз.

– Что-то случилось?

– Ты сошел с ума? – с лицом участливого доктора спросила она, не меняя позы. – Мы однажды обсуждали, что у техподдержки есть возможность читать переписку.

– Но я не думаю...

– И я не думаю, что надо давать повод подозревать, что наши рабочие отношения стали значить гораздо больше. Тем более что они и не стали.

– Мне хотелось сказать тебе что-то приятное.

– Приятное? Скажи мне это здесь и сейчас без свидетелей. Не думаю, что твой кабинет прослушивается.

Он стремился к свободному полету, а она настаивала на строгой субординации. Он не понимал, зачем скрывать то, что для всех давно очевидно: они симпатизируют друг другу, и эта симпатия не регламентирована корпоративными правилами. Так же, как и не запрещено писать дружеские письма или отправиться в кино после рабочего дня. Но теперь она сердилась, и его мечты осыпались, как крыша картонного домика. Безжалостный Сонин взгляд прожигал дыру в его любимом галстуке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.